

Андреев И. Д. Св. Тарасий, патриарх Константинопольский: (Очерк его жизни и деятельности в связи с ходом иконоборческих смут) // Богословский вестник 1899. Т. 2. № 6. С. 143–180 (2-я пагин.). (Начало.)

СВ. ТАРАСИЙ, ПАТРИАРХЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ.

(Очеркъ его жизни и дѣятельности въ связи съ ходомъ иконоборческихъ смуть).

Источники свѣдѣній о жизни и дѣятельности Тарасія Біографія Тарасія, ипсанная Игнатіемъ — Происхожденіе Тарасія Положеніе отца его среди враждовавшихъ партій. Мать Тарасія Евкратія и отношеніе ея къ иконопочитанію Ея вліяніе на Тарасія — Образование Тарасія — Тарасій — секретарь у императора иконоборца — Настроеніе общества, при которомъ Тарасій долженъ былъ занять кафедру, созданное усиліями первыхъ двухъ иконоборческихъ императоровъ. Главный составъ враждовавшихъ партій въ правленіе Льва Исавра: монахи и правительство. Эдиктъ 730-го года противъ иконъ и его послѣдствія. Общія причины слабости борьбы съ иконопочитаніемъ въ правленіе Льва Исавра. — Положеніе дѣлъ въ царствованіе Константина Копронима Войско, какъ главная сила, на которую опирался императоръ въ борьбѣ съ иконопочитателями Пропаганда иконоборческихъ идей среди простого народа — Усиленная борьба правительства съ монашествомъ и причины этого явленія — Упраздненіе монастырей — Положеніе монашества въ провинціяхъ. Мученики изъ среды монашества — Положеніе монашества въ правленіе Льва Хазара и въ началѣ царствованія Ирины. — Отношеніе къ иконоборчеству высшей іерархіи и низшаго блага духовенства. Причины, почему бѣлое духовенство не сопротивлялось иконоборцамъ такъ, какъ монашество. — Соборъ 754-го года и его значеніе для иконоборческой партіи. — Вліяніе продолжительнаго господства ереси на настроеніе общества — Общій взглядъ на положеніе иконоборчества и православія предъ вступленіемъ на кафедру Тарасія

Историческія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Тарасія представляются въ сравнительно удовлетворительномъ состояніи. Кромѣ обширной біографіи, написанной ученикомъ его Игнатіемъ ¹⁾, обильный матеріалъ для изображенія его

¹⁾ Въ подлинникѣ эта біографія издава недавно въ 1889 г. I. A. Heikel'emъ in Actis societatis scientiarum fennicae t. XVII. Есть и отдѣльные

жизни и дѣятельности даютъ акты 7-го вселенскаго собора, сочиненія современника Θεодора Студита и лѣтописецъ Тео-

огисия Унасъ подъ руками она имется въ этомъ отдѣльномъ изданіи Въ латинскомъ переводѣ біографія обнародована Воландистами (A SS Feubruarj t 3, ad diem 25-am, p. 581 sqq), но переводъ этотъ далеко не всегда вѣрно передаетъ подлинникъ

Такъ какъ тому же Игнатію принадлежитъ біографія другого патріарха, которому мы посвятимъ особый очеркъ, преемника Тарасія Никифора, и такъ какъ эти біографіи являются во всякомъ случаѣ первоисточниками для нашихъ очерковъ, то считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о личности Игнатія и его авторскихъ приемахъ

И съ Тарасіемъ, и съ Никифоромъ Игнатій находился въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ. „Во цвѣтъ юности“ (*ἐν ἀκμῇ τῆς νεότητος*) онъ былъ ученикомъ Тарасія, упражнялся подъ его руководствомъ въ изученіи триметровъ и тетраметровъ, трохеевъ, анапестовъ и героическихъ стихотвореній (Vita Tarasii edit Heikel, p 29, 6—7) Нѣкогорое время онъ состоялъ на службѣ непосредственно при Тарасіѣ—патріархѣ (ibid) и присутвовалъ при его кончинѣ (ibid, p. 25, 28) То обстоятельство, что Игнатіи въ правленіе Тарасія и Никифора былъ діакономъ и скевофитаксомъ „великой церкви“, располагаетъ вѣрить его заявленію, что онъ писалъ о томъ, „что удостоился видѣть своими глазами, слышать своими ушами, въ чемъ самъ принималъ участіе (*ὅσα πεπεράσθαι*), и что могла сохранить его слабая и бѣдная память“ (Vita Tarasii p I, 15—16)

Никифору Игнатій былъ обязанъ также очень многимъ Иконоборческое рожаніе увлекло его, и только благодаря назидательнымъ бесѣдамъ Никифора, онъ снова сталъ православнымъ (A SS. Martij t. 2, ad diem 13-am Vita Nicephori cap 14, n 91 Греческій текстъ біографіи тутъ же въ приложеніи p 620, а переводъ p. 312); за это Игнатій называетъ Никифора своимъ отцемъ (ibid Prologus, n. 1) —Изъ сказаннаго можно уже а priori судить о характерѣ обѣихъ біографій: это сплошные, восторженные панегирики Авторъ постоянно и вполне вѣренъ обѣщанію, данному имъ въ началѣ житія Тарасія, — „плавать по безпредѣльному морю добродѣтелей“ (*καὶ ἄλλων ἀλείρω μευέθι, ἀρετῶν διανήξασθαι* Vita Tarasii p 1, 1) обѣихъ патріарховъ Онъ не находитъ ни одного замѣчательнаго лица изъ священной и церковной исторіи, которому не могъ бы уподобить Тарасія и Никифора (Vita Tarasii p 23, 20—25, 7 Vita Nicephori cap 14, n 86—88) Конечно, оба патріарха своею жизнью и дѣятельностію давали обильный матеріалъ для восхваленій, какъ замѣчательнѣйшія лица эпохи иконоборчества, но всеже тонъ разсказа Игнатія слишкомъ высокъ, чтобы внушать полное довѣріе ко всемъ деталямъ его повѣствованій. Особенно не-пріятное впечатлѣніе на современнаго читателя производитъ стиль автора къ сожалѣнію, Игнатій былъ поэтъ, пригомъ поэтъ въ средневѣковомъ византійскомъ смыслѣ этого слова Ни одной фразы онъ не говоритъ просто, ни одного факта не сообщаетъ безъ сравненій, восклицаній, лирическихъ отступленій, сухихъ сентенцій и производитъ впечатлѣніе чело-вѣка, который не только хочетъ возвѣлчить описываемое лицо, сколько—

фана, не считая отрывочныхъ извѣстій въ житіяхъ святыхъ этого времени и пр

выставитъ на видъ свое искусство писать цвѣтисто и красно Иногда невольно закрадывается подозрѣніе, что ради краснаго словца авторъ позволяеть себѣ поэтическія вольности, т е просто выдумки

Вотъ нѣсколько образчиковъ краснорѣчія Игнатія Въ прологѣ къ житію Тарасія опъ говоритъ: „намѣреваясь переплыть безграничное море добродѣтелей честнаго отца, блиставшаго неподражаемою жизнію, я боюсь, какъ бы мнѣ, вслѣдствіе вѣянія противныхъ вѣтровъ со стороны грубаго языка, не возбудить волненій неясности и тѣмъ не подготовить бури своего душевнаго потопленія; ибо вслѣдствіе невѣжества неумѣло извергая такую рѣчь, какъ отбросъ, которая ни для чего хорошаго не пригодна, можно преступить должное и подвергнуться опасности (крушенію) многого голанія, при которомъ не возможно избѣжать грѣха, по Соломонову божественному изреченію Это и останавливаетъ мой разумъ, устрашаетъ мою мысль, обуздываетъ мое слово и понуждаетъ меня воздержаться—смотрѣть въ глубину божественныхъ даровъ этого мужа“ (Vita Tarasii p. 1, 1—11) Говоря о 7-мъ вселенскомъ соборѣ и объ участіи въ немъ секретаря Никифора, Игнатій замѣчаетъ: „когда отеческое и боговзбранное собраніе, водимое вѣяніемъ божественнаго Духа, ввело корабль исповѣданія въ гавань правой вѣры, возвратило хитону церкви украшенія въ видѣ священныхъ изображеній и умертвило порожденіе ереси тогда великій Никифоръ, нося печать побѣды (*Νικήφορος* = *νίκη* + *φέρω*), составилъ пѣснь, пронзающую и разящую враговъ вѣры“ и пр (Vita Nicéphori cap. 2, п 11) Благодаря такой манерѣ писанія, обширныя житія Тарасія и Никифора предлагаютъ историческаго матеріала не столь много, сколько можно ожидать, судя по ихъ внѣшнему виду: добрая половина ихъ сообщаетъ не факты, а представляетъ только упражненія Игнатія въ краснорѣчіи

Сравнивая житія между собою, нельзя не замѣтить съ перваго взгляда, что первое (Тарасія) бѣднѣе по содержанію и написано языкомъ болѣе напыщеннымъ, чѣмъ второе Это обстоятельство даетъ поводъ нѣкоторымъ думать, что біографіи появились въ свѣтъ въ разное время и пригомъ чрезъ промежутокъ очень значительный, именно: біографія Тарасія составлена около 806 г, а Никифора—около 828—829 г (Heikel Praefatio ad vitam Tarasii, p. IV) Мы не можемъ согласиться съ этимъ предположеніемъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Въ началѣ житія Тарасія, вслѣдъ за приведенною выше выдержкою, Игнатій говоритъ: „такъ какъ продолжительное молчаніе, скрывъ во времени дѣла его, можетъ причинить ущербъ многимъ, съ охотою желающимъ ступать о подвигахъ его жизни полныхъ духовнаго назиданія, то, отложивъ всякія опасенія, я попытаюсь исполнѣ правдиво обнародовать съ помощію Божіею то немногое о немъ, что удостоился видѣть своими глазами, слышать своими ушами, въ чемъ самъ принималъ участіе, и что могла сохранить моя слабая, бѣдная память“ (Vita Tarasii p. 1, 12: *Ἐπειδὴ τὰ κατ' αὐτὸν αἰγυῆ βαθεῖα τῷ χρόνῳ καλλύψασα πολλῶν ἐπέλλε ζῆλον ἀλόγῃ. ζῶσι καὶ λόφῳ γαινοῖσασ τῶν ἐξείνφ*

Свѣдѣнія эти настолько достаточны, что даютъ возможность слѣдить почти за каждымъ шагомъ церковно-исторической дѣятельности Тарасія, видѣть почти все мотивы, направлявшіе эту дѣятельность. Это обстоятельство чрезвычайно важно: въ правленіе Тарасія зародились и развились

βεβιωμένων ἀκολουθήσει τὰ κράιστα ὡς ψυχτικῆς ἀφέλειας ἀνάμεσα, φέρει π. г. д.). Изъ этого заявленія совершенно ясно, что житіе Тарасія писано не около 806 г, вскорѣ послѣ его кончины, а долгое время спустя. Быть можетъ даже послѣ написанія житія Никифора Отюда 2) вполне объясняются и все особенности біографіи Тарасія: образъ жизни и дѣятельности патриарха успѣлъ уже поблѣднѣть въ „слабой и бѣдной памяти“ автора; недостатокъ свѣдѣній естественно заставлялъ его болѣе напрягать свое краснорѣчіе и пробѣлы въ фактахъ заполнять лирическими излияніями и отступленіями. 3) Въ концѣ біографіи Игнатій рассказываетъ о чудесахъ Тарасія: объ исцѣленіи кровоточивой, которая,—такъ какъ въ монастырь, гдѣ былъ погребенъ Тарасій, нельзя было входить женщинамъ,—переодѣлась въ мужское платье, коснулась гробницы святого, взяла масла изъ горѣвшей предъ нею лампы и тотчасъ почувствовала облегченіе; о прозрѣніи одного косоного и объ исцѣленіи одного сухорукато, помазавшихъ страдавшія мѣста елеемъ изъ лампы предъ гробомъ Тарасія. (Vita Tarasii p 27, 24—28, 6). Подобные рассказы о чудесахъ въ житіяхъ святыхъ всегда, насколько намъ приходилось замѣчать,—вѣрный признакъ того, что эти житія написаны не тотчасъ послѣ смерти святого, а спустя значительное время. Достаточно указать уже только на житіе патриарха Никифора,—человѣка яе менѣе, если не болѣе замѣчательнаго, чѣмъ Тарасій, и однако о чудесахъ отъ его мощей Игнатій не говоритъ ни слова—знакъ, что житіе написано вскорѣ послѣ его смерти, когда въ памяти читателей онъ былъ еще простымъ, хотя и замѣчательнымъ челоѣкомъ. 4) Наконецъ странно, что Гейкель просматривъ прямой признакъ написанія житія Тарасія послѣ 820-го года. Въ доказательство той мысли, что Тарасій и послѣ смерти не переставалъ бороться съ ересью Игнатіи рассказываетъ, что въ концѣ своего царствованія императоръ Левъ Армянинъ видѣлъ во снѣ Тарасія, повелѣвавшего иѣкому воину Михаилу пронзить царя-еретика мечемъ. Тотъ повиновался и пронзилъ Льва. Проснувшись со страхомъ, царь недоумывалъ, кто этотъ Михаилъ; онъ послалъ въ обитель Тарасія разузнать о своемъ будущемъ убійцѣ и въ тоже время не подозрѣвалъ, что убійца этотъ есть его военачальникъ, будущій императоръ Михаилъ Травль. Послѣдній дѣйствительно и убитъ его въ день Рождества Христова не самъ, какъ увидимъ ниже, а чрезъ своихъ приверженцевъ (Vita Tarasii p 28, 16—31). Случилось это въ 820-мъ году.

Позднее написаніе житія Тарасія сказывается особенно ощутительно въ отсутствіи точныхъ хронологическихъ обозначеній; впрочемъ этотъ недостатокъ въ данномъ случаѣ прекрасно восполняется лѣтописью Теофана.

явленія, которыя потомъ долго (почти до конца 9 в) вогнавали церковь и которыя главнымъ образомъ дѣлали ея исторію. Не будь достаточно данныхъ для освѣщенія правленія Тарасія, эти явленія остались бы неразгаданными, непонятными.

Родился Тарасій въ Константинополь въ аристократической—патриціанской ¹⁾ очень богатой семьѣ ²⁾. Отець его Георгій, пользовавшійся „полнымъ уваженіемъ и большимъ почетомъ“ со стороны первыхъ императоровъ Исаврійской династіи ³⁾, занималъ должность судьи или префекта ⁴⁾. Это обстоятельство даетъ право сдѣлать два заключенія: при такихъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятеляхъ, какими были Левъ Исавръ и Константинъ Копронимъ (ихъ церковная политика другой вопросъ) ⁵⁾, столь видную должность

¹⁾ Vita Tarasii p. 2. 6 Въ это время патрицій былъ высшимъ сановникомъ (enf. Fustel de Coulange. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France; les transformations de la royauté pendant l'époque Carolingienne p. 305) Одинъ западный писатель, младшій современникъ Карла Великаго, наду сопоставляетъ съ императорами, а патриарховъ—съ патриціями (Vita Tarasii in Actis SS. Februarii t. 3 ad diem 25-am. cap. 1, n. 2, annot. a, p. 582; enf. Mansi t. 12, col. 1051—1052 etc. Дѣянія всел собъ въ рус. пер. т. 7, изд. 2, стр. 63 и др. въ началѣ каждого дѣянія о Петроніи) Папа Адрианъ въ посланіи къ императорамъ Константину и Ирнью вѣщаетъ этимъ титуломъ Карла вел. (Mansi ibid. col. 1075—С. Дѣянія—стр. 75; enf. V SS. ibid.).

²⁾ Объ этомъ можно судить уже потому, что, будучи патриархомъ, на средства, доставшіяся ему отъ отца, Тарасій основалъ свой монастырь на львовомъ берегу Босфора Фракійскаго (Vita Tarasii p. 9, 18—19), а у отца онъ былъ не единственнымъ сыномъ. Фотій называетъ Тарасія своимъ *πατρὸθεῖον*, т. е. роднымъ братомъ своего дѣда (Migne, ser. gr. t. 102, col. 609 Hergenröter, Photius B. 1, S. 320, Ann. 28)

³⁾ Не извѣстно точно, на время какого императора—Льва или Константина Копронима или обоихъ вмѣстѣ—падаетъ служебная дѣятельность Георгія. Точно также и рожденіе Тарасія нѣтъ никакихъ данныхъ приурочить къ тому или другому царствованію, потому что не извѣстно, какъкъ и въ онъ смерть.

⁴⁾ Vita Tarasii p. 2, 8; enf. Hergenröter a. a. O. S. 246

⁵⁾ *Παλαεγγυλοποιός Ιστορία ελληνικόν εθνόν* т. 3, σελ. 424—425 και 472—473 и др. Hertzberg Geschichte der Byzantiner, S. 99—102 und 108—110. Гиббонъ. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи т. 5, стр. 322—325, перев. Невѣдомскаго Fr. Chr. Schlosser Geschichte der bilderstürmender Kaiser 1812, S. 198—199 и др.

могъ занимать только человѣкъ выдающійся по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, что вполне располагаетъ вѣрить отзыву Игнатія о Георгіѣ, какъ о человѣкѣ въ высшей степени образованномъ, справедливомъ и гуманномъ ¹⁾. Въ видѣ иллюстраціи къ своему отзыву Игнатій рассказываетъ слѣдующій случай изъ юридической практики Георгія. Однажды къ нему привели двухъ бѣдныхъ женщинъ и обвиняли ихъ въ убійствѣ грудныхъ младенцевъ. Обвиненіе основывалось не на фактическихъ уликахъ, а на томъ суевѣрномъ убѣжденіи, что злыя женщины могутъ превращаться въ духовъ и проникать въ домъ даже при закрытыхъ дверяхъ. Убѣжденіе это опиралось на древнемъ мифѣ о Гелло, которая послѣ своей преждевременной смерти приобрѣла непохвальную привычку забираться въ семейства, гдѣ были новорожденные, и убивать ихъ. Обвиненіе было мотивировано до того нелѣпно, что Георгіи, здраво признававшій, что „духъ плоти и кости не имать“, тотчасъ же освободилъ несчастныхъ женщинъ. Императоръ — самъ большой поклонникъ, отмѣчаетъ Игнатію, теорію явленія духовъ, узнавъ о рѣшеніи Георгія, немедленно приказалъ призвать его къ себѣ. Освѣдомившись о ходѣ дѣла отъ судьи, императоръ, хотя и оставилъ рѣшеніе его въ силѣ, остался однако очень не доволенъ взглядомъ Георгія ²⁾.

Другое болѣе важное для насъ заключеніе изъ того, что

¹⁾ По своему обычному пристрастію къ гиперболамъ Игнатій сопоставляетъ Георгія съ Солономъ и Ликургомъ *Vita Tarasii* p. 2, 9—10

²⁾ *Vita Tarasii* p. 2, 13—34. Этотъ эпизодъ можетъ показаться невероятнымъ, но онъ совершенно въ духѣ того времени. Нелѣпыя суевѣрія заставляли иногда совершать чудовищныя злодѣянія. Въ началѣ царствованія Льва Исавра во время осады города Пергама Арабами произошло слѣдующее: осажденные по предложенію нѣкоего волшебника схватили одну беременную женщину, вырвали изъ нея пупокъ, сварили его въ котлѣ и всѣ защитники города мочили въ этомъ отварѣ перчатки правой руки (*Theoph. Chron.* p. 390—391). — Указаніе Игнатія на то, что самъ императоръ признавалъ возможность превращенія людей въ духовъ, находитъ подтвержденіе и въ другихъ сообщеніяхъ подобнаго же рода о Константінѣ Копронимѣ (*Theoph. Chron.* p. 448 *Nicéphori Patr. Antirrheticus III adv. Constantinum Copr., cap. 74 Migne ser. gr. t. 100, col. 513—514—B*). А что подѣ невазванымъ въ этомъ мѣстѣ у Игнатія императоромъ разумѣется именно Константінъ Копронимъ, объ этомъ догадываются Болландисты *Vita Tarasii A SS. ibid., n. 3, annot. 1*

Георгіи занимать видную должность при императорахъ иконоборцахъ и быть у нихъ въ почетѣ, состоять въ томъ, что онъ, если и не былъ иконоборцемъ, то не былъ и ревностнымъ иконопочитателемъ. Рѣшительно нѣтъ ни одного извѣстія о томъ, чтобы семья Тарасія подвергалась опалѣ за почитаніе иконъ, — знакъ, что она по своимъ воззрѣніямъ, если и не примыкала къ партіи иконоборческой, то и не выражала дѣятельно своего сочувствія къ партіи противной. Любопытно, что Игнатій, который спѣшилъ разсказать объ отцѣ патріарха Никифора, какъ онъ защищалъ иконопочитаніе предъ императоромъ, лишился за это должности и подвергся ссылкѣ, совершенно молчать о благочестіи отца Тарасія и даже, по видимому, намѣренно избѣгаетъ назвать имя императора, при которомъ служилъ Георгій, а выражается о немъ глухо: *ὁ τῆνικαῦτα κρατῶν* ¹⁾. Такое положеніе Георгія среди враждовавшихъ партій чрезвычайно важно для уясненія фактовъ всей жизни и дѣятельности Тарасія, какъ патріарха. Но къ сужденію объ этомъ мы будемъ имѣть случай вернуться потомъ, а теперь продолжимъ изложеніе біографическихъ свѣдѣній.

Ничего не говоря о благочестіи Георгія, Игнатій отзывается о его женѣ Енкратіи, какъ женщины въ высшей степени религіозной. Въ понятіе этой религіозности безъ натяжекъ можно включить представленіе о томъ, что Енкратія была ревностною иконопочитательницею. Иконопочитаніе естественно особенно крѣпко держалось среди женщинъ. То едва-ли случайно, что два главные собора—787 и 842 г., осудившіе иконоборчество, состоялись въ правленіе женщинъ,—едва-ли случайно, что во дворецъ злѣйшаго иконоборца Константина Копронома воспиталась благочестивая Аноуса, быть можетъ, подъ главнымъ вліяніемъ своей матери хазарянки Прины, первой жены Константина ²⁾; — едва-ли случайно, что при самомъ началѣ иконоборчества, во время низверженія статуи Спасителя въ Халкопратіи, во главѣ движенія противъ императорскаго приказа стала женщина—патриція Марія ³⁾. Что женщины не только низшихъ,

¹⁾ Vita Tarasii p. 2, 5 *ca.* 29; *conf.* A. SS. *ibid.*

²⁾ *Πατριάρχης, ὑπομνήματα* T. 2, σελ. 470—471; ср. арх. Филарета Подвышневца восточной церкви, стр. 297.

³⁾ A. SS. Augusti t. 2 ad diem nonam.

но и высшихъ классовъ общества, даже супруги, дочери и сестры иконоборческихъ императоровъ не сочувствовали реформѣ и иногда тайно противоудѣйствовали ей,—это можно признать общимъ явленіемъ, психологически совершенно понятнымъ и объяснимымъ ¹⁾. Нѣтъ основаній думать, чтобы Енкратія въ этомъ отношеніи выдѣлялась изъ своихъ современницъ. Такъ какъ матери вообще всегда стоятъ ближе къ дѣтямъ, то естественно предполагать, что своимъ первоначальнымъ религіознымъ воспитаніемъ Тарасіи былъ обязанъ главнымъ образомъ Енкратіи. Вѣроятно, именно еще въ дѣтскомъ возрастѣ въ него были заложены симпатіи къ иконопочитанію, ревностнымъ и разумнымъ защитникомъ котораго онъ явился впоследствии.

Съ чего началось и какъ продолжалось обученіе и образованіе Тарасія, на это нѣтъ точныхъ указаній. Основываясь на томъ, что Георгій былъ судьей и, слѣдовательно, человекомъ юридически образованнымъ, можно думать, что и его сынъ „обучался законамъ гражданскимъ“ ²⁾. Такое предположеніе подтверждается показаніемъ Игнатія о Тарасіи, какъ опытномъ юристѣ и знатокѣ церковнаго права ³⁾. Представленіе о юристѣ уже само по себѣ даетъ понять, что связывалось съ „обученіемъ законамъ гражданскимъ“: это „обученіе“ должно было идти параллельно съ изученіемъ главнымъ образомъ словесныхъ наукъ, т. е. курса тогдашняго тривіума: грамматики, риторики и діалектики. Объ основательномъ прохожденіи этого курса Тарасіемъ даетъ знать замѣтка біографа, что онъ былъ преподавателемъ риторики ⁴⁾. Соединялось-ли съ этимъ изученіе курса тогдашняго квадrivіума, объ этомъ мы ничего не знаемъ. Не извѣстно также, каково было первоначальное богословское образованіе Тарасія. Игнатій упоминаетъ о немъ ⁵⁾, но едва-ли

¹⁾ Превосходно объ этомъ *Παλαρολογος*. Т. 3. σελ. 384—385; см. подробной очеркъ М. Γεδεον'α: *Περί τῆς ἐπὶ τῶν εἰκονομαχικῶν ἐρίδων Ἐκκλησιαστικῆς, Ἀληθείας* 1882 σελ. 122, 137, 263, 361 καὶ 367

²⁾ См. въ очеркъ о Германѣ, въ майской книгѣ Богословскаго Вѣстника 1897 г.

³⁾ *Vita Tarasii* p. 14, 19—21: *τῆς τῶν νόμων ἀριστείας καὶ κανονικῆς εὐθιγίας πᾶσαν ἰδέαν ἐξασκήσας, οὕτω τῷ γονεῖ παντὶ τὰς προσπιπούσας ἐπέχρην ἐρίδας καὶ συμβαίνειν ἀλλήλοις διὰ τῶν αὐτῶν, συνήλασεν ἀπογράφου*

⁴⁾ *Vita Tarasii* p. 29, 7—8

⁵⁾ *Vita Tarasii* p. 3, 3—4: *θεῶν καθ' ἑαυτῶν ἐν περιήψει πλοσίσι γενόμενος*

оно было велико и едва-ли не ограничивалось свѣдѣніями элементарными. Такъ думать можно на основаніи слѣдующихъ сужденій папы Адріана въ посланіи императору Константину и Принцѣ: „Мы сильно смущены и опечалены тѣмъ, что, бывъ избранъ изъ сословія мірянъ и взятъ съ государственной службы, Тарасій вдругъ возведенъ на степень патріаршества и вопреки опредѣленію святыхъ канонѡвъ сдѣлалъ патріархомъ. И,—стыдно сказать, но трудно умолять,—тѣ, которые до сего времени должны были находиться подъ руководствомъ и *которыхъ слѣдовало учить*, не красѣя, являются въ качествѣ учителей, не боятся и не стыдятся принимать на себя управленіе душами, такъ какъ имъ *совершенно незнакома обязанность учительства*: они не знаютъ даже того, куда самимъ-то имъ идти. Насколько это не справедливо и не благоразумно, можно судить по мірскимъ порядкамъ, по мірской дисциплинѣ: развѣ въ военачальника избираютъ челоуѣка, неиспытаннаго въ перенесеніи трудностей? Какими же вояждями душъ могутъ быть тѣ, которые съ преждевременною поспѣшностію желаютъ взойти на высоту епископства? Поразмыслили-бы по крайней мѣрѣ объ этомъ сравненіи вещей и удержались бы вдругъ приниматься за неиспытанные труды; потому что чему будутъ учить тѣ, *которые сами ничему не учились*? И еслибы не участіе Тарасія въ возстановленіи святыхъ иконъ, свидѣтельствующее о его вѣрѣ, то мы никакимъ образомъ не могли бы дать своего согласія на его избраніе“ ¹⁾. Отсюда можно сдѣлать заключеніе, что свѣтское образованіе тогдашняго юношества не соединялось всегда съ надлежащимъ образованіемъ богословскимъ. Правда, впоследствии Тарасій заявилъ себя и какъ богословъ, но такимъ онъ сдѣлался, вѣроятно, уже только тогда, когда вступилъ на кафедру и по необходимости долженъ былъ восполнить пробѣлы въ своихъ богословскихъ познаніяхъ (подтверженіе ниже). Въ этомъ отношеніи онъ представлялъ, кажется, большое сходство съ патріархомъ Германомъ.

По достиженіи зрѣлаго возраста аристократъ Тарасій вступилъ на государственную службу: получивъ титулъ кон-

¹⁾ Mansi t. 12 col. 1074—D—1075 A—B. Дѣян. вс. соб. въ рус. пер. т. 7-й, стр. 74—75.

сула, онъ занялъ должность императорскаго секретаря ¹⁾. Игнатій молчитъ, при какомъ императорѣ началась служба Тарасія. Если бы это случилось только со вступленіемъ на престолъ Ирины, то біографъ едва-ли бы не отмѣтилъ столь важнаго совпаденія: новая благочестивая царица выбираетъ и новаго благочестиваго секретаря. Вѣроятноѣ поэтому думать, что Тарасій получилъ названную должность или при мужѣ Ирины или даже еще при ея свекрѣ. Такъ какъ они оба были иконоборцы, то это обстоятельство невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Какъ и отецъ—Георгій, Тарасій, видимо, не стоялъ въ рядахъ ревностныхъ иконопочитателей; но онъ, какъ даютъ видѣть послѣдующія обстоятельства его жизни, не примыкалъ и къ партіи иконоборческой. Такое положеніе, занятое теперь Тарасіемъ среди борющихся сторонъ, очень замѣтно отразилось на всей его дѣятельности въ качествѣ патріарха и даетъ ключъ для объясненія всѣхъ его главнѣйшихъ шаговъ на каѳедрѣ.

Мы подошли сейчасъ къ моменту, когда Тарасій избирается въ патріарха и посвящаетъ себя дѣлу возстановленія иконопочитанія. Для правильнаго пониманія его образа дѣйствій необходимо представлять ясно настроеніе общества, при которомъ началось его правленіе. Это понуждаетъ насъ сдѣлать скатый очеркъ того, что было достигнуто первыми тремя иконоборческими императорами въ интересахъ реформы.

Въ очеркѣ о патріархѣ Германѣ ²⁾ мы остановились на самомъ началѣ этой реформы. Германъ, какъ мы видѣли, особенно отчетливо отмѣчаетъ въ рядахъ иконоборческой партіи царя и всѣхъ государственныхъ дѣятелей (*αὐτῆ ἢ βασιλεία καὶ πάντες οἱ ἐν ἐπεροχῇ κρατοῦντες τὰ πράγματα*), а въ рядахъ иконопочитателей по преимуществу (*περισσότερον*) монаховъ. Такой составъ партіи не измѣнился и въ послѣдующее время. При этомъ естественно просятся на рѣшеніе два

¹⁾ Vita Tarasij p. 3, 1—3: *διὰ πᾶσης ἀρετῆς ὀδύσας παρὰ πᾶσιν ἐλπίθαι, ὡς καὶ τὴν βλαπὸν ἀξίαν κομισῆσαι καὶ πρῶτος ἐλογογραφεῖς τῶν βασιλικῶν μυστηρίων ἐυχαριστῆσαι*. Названіе консула со времени отмѣненія этой должности при Юстиніанѣ стало простымъ почетнымъ титуломъ, какъ это можно видѣть уже изъ способа выраженія Игнатія въ данномъ мѣствѣ: *ἐν τῷ αὐτοῦ ἀξίᾳ*; для обозначенія должности обыкновенно употреблялось *ἀρχὴ*.

²⁾ См. Богословскій Вѣстникъ 1897 г. кн. 5, 6 и 9.

вопроса: какъ широко проводилась церковная реформа, и какъ къ ней относилось общество, помимо главныхъ дѣятелей борьбы—монаховъ и императоровъ съ ихъ ближайшими помощниками?—*Теофанъ*, рассказавъ о соборѣ 730-го года, на которомъ былъ лишенъ кафедры *Германъ*, и отъ лица котораго былъ изданъ эдиктъ противъ иконъ, замѣчаетъ: „бѣснующь, тираннъ усилилъ гоненіе противъ святыхъ иконъ; многіе клирики, монахи и благочестивые міряне пострадали за слово истины, украсившись мученическимъ вѣщемъ“ ¹⁾. *Патр. Никифоръ* сообщаетъ о томъ же мягче, замѣчая, что со времени изданія эдикта „многіе изъ благочестивыхъ, которые не соглашались съ царскимъ ученіемъ, подвергались сильнымъ наказаніямъ и гоненіямъ“ ²⁾. Можно думать, что выраженіе *Теофана* о „мученическомъ вѣщѣ“—одна фраза ³⁾, потому что ни самому *Теофану*, ни *Никифору*, ни составителямъ житій не извѣстно ни одного случая мученичества за иконы въ царствованіе *Льва Исавра*, за исключеніемъ пострадавшихъ ранѣе при снятіи статуи Спасителя въ *Халкопратіи*. Любопытно при этомъ, что *Теофанъ* послѣ 730-го года не обмольчивается болѣе ни однимъ словомъ о насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ иконъ со стороны правительства. Мы склонны думать, что такихъ дѣйствій и не было, а если и были, то такъ рѣдки и незамѣтны, что *Теофанъ* не нашелъ въ своихъ источникахъ о нихъ даже упоминанія. Есть и объясненіе такого бездѣйствія правительства: послѣ приведеннаго замѣчанія о гоненіи на иконопочитателей *Теофанъ* почти подъ каждымъ годомъ въ остальное правленіе *Льва* сообщаетъ о нападеніяхъ на имперію арабовъ и пр. ⁴⁾. Т. е. вниманіе *Льва* было отвлечено отъ борьбы съ иконопочитаніемъ. Между тѣмъ въ роли активнаго противника иконъ могъ выступить только почти одинъ. Естественность и давность обычая иконопочи-

¹⁾ Theophanis Chron p 409

²⁾ Nicephori hist brev ed. De Boor p 58

³⁾ Притомъ и эта фраза, кажется, есть дѣло позднѣйшаго ревностнаго интерполятора, потому что она отсутствуетъ у *Анастасія*, переведшаго на этотъ разъ весь отдѣлъ за исключеніемъ только этой фразы Chron trip p 265: multi clerici ac monachi et religiosi laici pro recto periclitati sunt verbo—и только.

⁴⁾ Theophanis Chron p 409 sqq

танія были причиною того, что въ рядахъ единомышленниковъ Льва почти не находилось такихъ, которые бы по собственной инициативѣ рѣшалось налагать руку на иконы: большинство ихъ было врагами иконъ, но не было иконоборцами, по мѣткому выраженію Шварцлѣзе ¹⁾. Так. обр. въ царствованіе Льва больше собирались преслѣдовать иконы, и конопочитателей, чѣмъ преслѣдовали на самомъ дѣлѣ.

Но какъ тогда относиться къ свидѣтельству Германа, передающему въ общей формѣ, что въ царствованіе Льва послѣ эдикта не только выносили иконы изъ храмовъ, но и соскабливали живопись на стѣнахъ, что изъ церковнаго употребленія отбирались священные сосуды и одежды, украшенные изображеніями событій изъ священной и церковной исторіи, что мощи святыхъ выпимались изъ ракъ и сожигались? ²⁾ Уже одна общая форма этого показанія не внушаетъ къ нему полнаго довѣрія: во всякомъ случаѣ останется всегда подъ сомнѣніемъ, какъ много было фактовъ, легшихъ въ основу этого обобщенія. Если судить по аналогіи, то придется допустить, что въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ это сообщеніе имѣетъ въ виду только единичные случаи. Такъ относительно изыятія изъ церковнаго употребленія разныхъ сосудовъ, покрововъ и пр. съ священными изображеніями мы имѣемъ рядъ замѣчательныхъ свидѣтельствъ Копронимовскаго собора 754 г. Въ *ѳирозѣ* этого собора между прочимъ читается: „опредѣляемъ чтобы ни одинъ человѣкъ, будучи настоятелемъ церкви Божіей или хозяиномъ честнаго дома, *подъ предлогомъ ослабленія заблужденія* относительно иконъ, не налагать рукъ своихъ на посвященные Богу святыя сосуды съ цѣлью дать имъ другое—не идольское назначеніе;—а также и на одежды и на другіе покровы или на что-либо иное *подъ предлогомъ* дать всему этому полезное назначеніе. Равнымъ образомъ опредѣляемъ, чтобы никакой человѣкъ изъ начальствующихъ или изъ подчиненныхъ имъ, или же изъ мірскаго чина не налагалъ *подъ тѣмъ же предлогомъ* руки своей на божественныя храмы и не порабощалъ ихъ, какъ это сдѣлано было нѣко-

¹⁾ Schwarzlöse Bilderstreit ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eigenart und um ihre Freiheit. Gotha. S. 46

²⁾ S. Germani De haeresibus et synodis Migne ser. gr. t. 98. col. 79—80

торыми, безчестно поступающими" 1). Сообщение Германа этимъ опредѣленіемъ подтверждается, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что изъятіе изъ церквей разныхъ богослужебныхъ принадлежностей съ изображеніями было лишь частнымъ злоупотребленіемъ, противнымъ желанію самихъ иконоборцевъ.—Относительно употребленія мощей соборъ не говоритъ ничего ни за, ни противъ. Не отрицая достовѣрности показанія Германа объ этомъ предметѣ, мы однако не думаемъ, чтобы въ показаніи разумѣлись цѣлыя мощи извѣстныхъ святыхъ. Скорѣе это были фальсифицированныя реликвіи, которыя собирались и сбывались необразованными монахами. Теофанъ знаетъ только единственный случай поруганія мощей мученицы Евѣиміи, вѣроятно, потому, что онъ одинъ и имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности 2). Кромѣ того такую догадку подтверждаетъ сатира этого времени, приводимая Папарригоуло. Какъ сатира, она, конечно, страдаетъ преувеличеніями, но едва-ли картина, въ ней представленная, не имѣла никакихъ основаній въ дѣйствительности. Предложеніе принимать съ вѣрою и чествовать десять рукъ мученика Прокошія, пятнадцать челюстей Теодора, около восьми ногъ Нестора, четыре головы Георгія, пять персей Варвары, 12 рукъ мученика Димитрія, двадцать ногъ великомученика Пантелеимона и пр.—могло и не у иконоборцевъ вызывать искреннее желаніе истребить ковчежцы, заключавшіе въ себѣ такія сомнительныя мощи 3).—Остается провѣрить теперь часть показанія Германа объ уничтоженіи иконъ. Съ перваго взгляда можетъ казаться, что согласно эдикту 730-го года иконы были совершенно удалены изъ храмовъ. Между тѣмъ перѣдко мы встрѣчаемъ извѣстія даже за время правленія Константина Копронима только объ отдѣльныхъ случаяхъ удаленія иконъ изъ храмовъ. Такъ Теофанъ уже подъ 27-мъ годомъ царствованія Константина замѣчаетъ, что въ этомъ году патріархъ Никита въ патріаршемъ домѣ приказалъ мозаическія иконы соскоблить, иконы рѣзной работы вынести, а писаныя—закрасить; тоже онъ сдѣлалъ въ мона-

1) Mansi t. XIII, col 329—332. Дьян. вс. соб. въ рус. пер т. 7 стр. 264—265.

2) Theoph. Chron. p. 439—440.

3) Παπαρριγοῦλου. Τ. 3, σελ. 635

стырь Авраамія ¹⁾. Уже только постъ 754-го года было уничтожено изображеніе шести вселенскихъ соборовъ, паходившееся на одномъ изъ самыхъ людныхъ мѣсть столицы ²⁾. Считаетъ нужнымъ дѣлать замѣтку также, что изъ церкви Богородицы во Влахернахъ, гдѣ засѣдалъ соборъ 754-го года, были вынесены иконы, и что стѣны этого храма были покрыты живописью свѣтскаго содержанія ³⁾. Что бы это значило? Подобная замѣтки даютъ несомнѣнное право думать, что удаленіе иконъ не было повсемѣстнымъ—притомъ въ самой столицѣ. Объяснить подобную странность можно, кажется, тѣмъ, что императоры съ своими замыслами повсюднаго удаленія иконъ изъ храмовъ, оставались почти одинокими. Имъ уступали, съ ними соглашались, что иконопочитаніе равняется идолопоклонству, и однако святость и давность обычая парализовали стремленіе наложить на него руку. Какъ и всегда бываетъ при борьбѣ партій, ожесточенныхъ представителей иконоборчества было немного; главную часть ихъ рядовъ составляли люди умѣренные. Указаніе на послѣднихъ находимъ и въ нашихъ источникахъ. „Нѣкоторые говорятъ, сообщаетъ діаконъ Епифаній, читавшій на 7 вселенскомъ соборѣ опроверженіе *βροσ*'а собора 754 г., что *достаточно имѣть иконныя изображенія для одного только напоминанія, но не лобзать ихъ*; одно принимаютъ, а другое отвергаютъ и такъ обр. оказываются какими-то полужизцами, или отчасти жизцами, а отчасти говорящими истину“ ⁴⁾... Хотя подобные люди не могли своими воззрѣніями удовлетворять ни строгихъ иконоборцевъ, ни православныхъ, однако къ нимъ принадлежало, вѣроятно, большинство, какъ можно судить потому, что при перемѣнѣ правителей въ высшей степени легко мѣнялись и общія симпатіи: люди съ указанными мягкими взглядами удобно могли переходить изъ одного лагеря въ другой, не насилуя себя слишкомъ. Въ существованіи партій такихъ полуконоборцевъ и нужно искать объясненія указанной выше странности: иконы запрещались эдиктами, но онѣ продол-

¹⁾ Theophanis Chion. p 443.

²⁾ Vita Stephani Junioris Migne ser. gr. t 100. col. 1171—1172—A.

³⁾ ibid. col. 1119—1120 C—D.

⁴⁾ Mansi t. XIII col. 363—364 A—В Дѣян. вс соб въ рус. пер. т 7. стр. 278.

жани по прежнему украшать храмы во многихъ мѣстахъ. Но если не вездѣ даже въ самой столицѣ иконы были удалены изъ храмовъ, то въ провинціяхъ онѣ могли оставаться еще въ большей безопасности.

Говоря объ иконахъ, мы, по недостатку данныхъ изъ времени правленія Льва, затронули вопросъ объ уничтоженіи ихъ уже въ царствованіе Константина Копронима. Покончивъ съ этимъ вопросомъ, займемся теперь перечисленіемъ другихъ, интересующихъ насъ, фактовъ послѣдняго царствованія.—Какъ и при Левѣ, главное мѣсто въ рядахъ иконоборческой партіи занимали люди, стоявшіе у трона, — правительство (*οἱ κρατοῦντες*), какъ называетъ ихъ Теофанъ ¹⁾ Главной силой на которую опиралось правительство въ борьбѣ, было войско. За время царствованія Константина очень часто встрѣчаются замѣтки о томъ, что императоръ старался „воспитать“ войско въ иконоборческихъ воззрѣніяхъ ²⁾. Вѣроятно, „воспитаніе“ это давалось офицерамъ арміи, которые потомъ „перевоспитывали“ простыхъ солдатъ. Извѣстія даютъ понять, что большая часть войска была настроена противъ иконопочитателей ³⁾. Если принять во вниманіе, что императоры Левъ и Константинъ съ своими легіонами въ теченіе своей жизни одержали рядъ блестящихъ побѣдъ надъ врагами имперіи, то легко понять, что сила, на которую они опирались въ борьбѣ съ иконопочитаніемъ, могла съ успѣхомъ подавлять всякое сопротивленіе и внутри имперіи. Трудно думать, конечно, что армія сочувствовала императору вслѣдствіе какихъ-либо осмысленныхъ мотивовъ, что ряды ея состояли изъ людей, сознательно предпочитавшихъ воззрѣнія иконоборцевъ ученію православныхъ: сыны Марса—обыкновенно плохіе мыслители. Едва-ли можно признать преувеличеннымъ объясненіе (съ психологической точки зрѣнія оно въ высшей степени естественно и правдиво) патріарха Никифора, что главнымъ доказательствомъ

¹⁾ Theoph. Chron. p. 424.

²⁾ Theoph. Chron. p. 461 и др.

³⁾ Theoph. Chron. p. 461: *ὁ λαὸς τῶν σχολαρίων τε καὶ ἐκταυροζυγίων καὶ τῶν λοιπῶν ταγματῶν ἐτοβληθεὶς ἐκ τῶν οἰκείων ἀρχόντων, ἔχοντες καὶ τὴν διδασκαλίαν τοῦ πονηροῦ διδασκάλου* (т е Константина) и пр. снѣ p. 462: *ὁ δυσσεβὴς λαός, ὃν ὁ ἀλόστοργος Κωνσταντῖνος ἐστράτευσε τε καὶ ἐλαΐθεισεν*, снѣ. p. 442: *ὁ ἐκταυροζυγίης ἐπ' αὐτοῦ λαὸς τῶν ταγματῶν* и пр.

правоты возрѣній императора такіе люди считали его многочисленныя блестящія побѣды, долгое царствованіе и вообще удачныя и счастливыя предпріятія его правленія ¹⁾. Вѣроятно, именно указанной подготовкѣ арміи Константинъ посвятилъ первые годы своего правленія; это было необходимо: возстаніе, поднятое Артаваздомъ подъ знаменемъ иконопочитанія, принятымъ со стороны населенія столицы въ качествѣ „православнаго и ревнителя божественнаго ученія“ ²⁾,—ясно говорило Константину, что симпатіи общества—шаткая опора его трона и его дѣла. Это заставило его естественно сосредоточить свое вниманіе на арміи и на ея воспитаніи для предстоящей борьбы.

Другимъ „предисловіемъ совершеннаго его нечестія, которое обнаружилось потомъ“, была подготовка массы народной, которую онъ „хитростію преклонялъ слѣдовать своему ученію“ ³⁾. Какъ шла эта подготовка, объ этомъ ничего не извѣстно; быть можетъ, прибѣгали къ тѣмъ же средствамъ, какія были въ ходу при Левѣ, и о которыхъ рѣчь у насъ была въ очеркѣ о Германѣ. Можно догадываться только, что пропаганда иконоборческихъ идей была не безуспѣшна. Любопытно, что за все время борьбы въ царствованіе Константина мы не встрѣчаемъ ни одного случая, когда столичное населеніе энергичною массою оказало бы стойкое противодѣйствіе замысламъ императора. Едва-ли лѣтописцы упустили бы отмѣтить вспышку народнаго благочестія. Если принять во вниманіе, что симпатіи къ извѣстному направленію называются симпатіями къ представителямъ этого направленія—и наоборотъ, то можно даже утверждать, что народная масса иногда поддавала большому вліянію иконоборцевъ, чѣмъ иконопочитателей. Есть очень много извѣстій, показывающихъ, что народъ принималъ живое участіе въ преслѣдованіи страдальцевъ за иконопочитаніе—монаховъ. Такъ въ августѣ 766-го года Константинъ приказалъ вывести на ипподромъ монаховъ, пзъ которыхъ каждый велъ за руку женщину; народъ плевалъ на инокъ и всячески выражалъ

¹⁾ S. Nicephori Patr. Cpl. Antirrheticus adv. Constantinum Copr. cap. 73. Migne. t. 100, col 509—510 A—B.

²⁾ Theophanis Chron. p. 415, enf. p. 414 и пр.

³⁾ Theophanis Chron. p. 427.

къ нимъ свое презрѣніе ¹⁾ Иногда одинъ видъ монашескаго платья вызывалъ раздраженіе среди народа. Одинъ юноша Георгій, приближенный Константина, обманулъ знаменитаго подвижника того времени Стефана Нового, прося послѣдняго постричь его въ монахи. Императоръ возвратилъ Георгія изъ монастыря и, собравъ на ипподромѣ населеніе столицы, сталъ жаловаться передъ нимъ, что его обижаютъ монахи, увлекая въ келліи преданныхъ слугъ царскихъ. Когда былъ показанъ Георгій въ монашескомъ одѣяніи, то народъ пришелъ въ ярость и требовалъ смерти иноку. Но Константинъ, свѣдома котораго былъ предпринять обманъ, поступилъ иначе: инока публично раздѣли, облили водой и облачили въ военный костюмъ ²⁾.—Характерно также описаніе отношенія массы народа къ самому Стефану. Когда онъ послѣ всевозможныхъ петьязаній неустыжъ уже духъ, и когда тѣло его влекли, чтобы бросить въ яму, куда низвергались тѣла осужденныхъ и казненныхъ, то не только мужчины, но даже и женщины и дѣти, особенно школьники, осыпали мученика камнями. Наконецъ, одинъ разносчикъ, къ которому приблизилась толпа, и который около дороги жарилъ себѣ рыбу, вынулъ изъ огня кусокъ дерева и раздробилъ имъ голову Стефана ³⁾. Подобное же повторилось съ Андреемъ въ Крисѣ. Многочисленная толпа (*ἄπειρος λαός*), по видимому, безъ состраданія смотрѣла на петьязанія, какимъ подвергался Андрей по приказанію императора. Когда его влекли къ тому же мѣсту, куда былъ брошенъ Стефанъ, одинъ рыбакъ топоромъ отрубилъ ему правую ногу ⁴⁾.—Въ виду подобныхъ фактовъ господствующее мнѣніе о томъ, что въ иконоборческой періодъ простой народъ стоялъ подъ вліяніемъ монаховъ ⁵⁾, намъ кажется, нуждается въ значительномъ ограниченіи. Ближе къ истинѣ будетъ признать, что народная масса, благодаря соблазнительной правительственной пропагандѣ, если и не стала на сторону

¹⁾ Theophanis Chron. p. 438.

²⁾ Vita Stephani Iunioris. l. c. col. 1137—1138.

³⁾ Ibid. col. 1177—1178. conf. Nicephori historia brev. p. 72. conf. Theophanis Chron. p. 436—437.

⁴⁾ Martyrium S. Andreae n. 15 A. SS Octobrii t. VIII, ad diem 17-am, p. 141, conf. p. 148, n. 15.

⁵⁾ Παλαρχολογικόν Т. 3, σελ. 385, conf. Schwarzkose a. a. O. S. 77—78.

иконоборцевъ, то ослабѣла и въ своей ревности къ иконопочитанію, ослабѣла настолько, чтобы не мѣшать правительству въ его борьбѣ съ монахами и иконами. Относительно въ частности столичнаго населенія и этого сказать недостаточно. Сочувствіемъ этого населенія императорамъ реформаторамъ располагать было безусловно необходимо: иначе каждую минуту они должны были бы дрожать и за свое положеніе и за свое дѣло. Отсюда пропаганда иконоборческихъ идей, къ которой, какъ мы видѣли, прибѣгли Левъ Исавръ и Константинъ V, должна была особенно заботливо практиковаться именно въ столицѣ. Но на пропаганду правительственную не полагались всецѣло. Чтобы имѣть на своей сторонѣ сочувствіе столичной толпы, императоры нашли необходимымъ влить въ массу столичнаго населенія элементъ, который самъ по себѣ былъ отъявленнымъ противникомъ иконопочитанія и монашества. Подъ годомъ 755—756 лѣтописецъ Теофанъ рассказываетъ, что въ этомъ году „царь Константинъ поселилъ во Фракіи Сирійцевъ и Армянь, которыхъ привелъ изъ Θεодосіополя и Мелитины и которые составили ересь Павликіанъ“ ¹⁾. Разумѣется, имъ дозволено было жить и въ столицѣ. Эта мѣра принесла желаемые результаты. Говоря о царствованіи императора Никифора, Теофанъ замѣчаетъ, что при немъ „манѣхи (павликіане) получили позволеніе жить въ столицѣ (какого они, конечно, лишены были при православной Иринѣ) и безпрепятственно пользоваться всѣми правами и многіе изъ слабоумныхъ заразились ихъ незаконнымъ ученіемъ“ ²⁾. Этого мало. Являясь естественными пособниками императоровъ въ дѣлѣ пропаганды иконоборческихъ идей, павликіане, аѣнганъ и др. еретики, живя въ Константинополь, представляли собой тотъ элементъ столичнаго населенія, который велъ уличную жизнь и который могъ оказывать большое вліяніе на поведеніе сборищъ народа. Павликіане и аѣнганъ, какъ мы будемъ имѣть случай подробно показать въ другомъ мѣстѣ, по своему соціальному положенію большею частію принадлежали къ классу ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ. Съ значительною вѣроятностію можно предполагать, что нами

---

¹⁾ Theophanis Chron p 429

²⁾ ibid p. 488

упомянутый разносчикъ, раздробившій голову Стефана Новаго, и рыбакъ, отрубившій ногу Андрея, были именно фанатическими представителями секты павликианъ и аеннгаговъ.

Заручившись отчасти сочувствіемъ, отчасти безучастіемъ къ борьбѣ простаго народа, иконоборцы съ ожесточеніемъ обрушились на монаховъ. Извѣстія представляютъ преслѣдованіе послѣднихъ гораздо болѣе напряженнымъ, чѣмъ гоненіе на иконы; и можно спорить, какой терминъ точнѣе характеризуетъ реформаторскую работу: икономахія или монахомахія. Такъ какъ монашество играло очень видную роль въ судьбѣ трехъ патріарховъ: Тарасія, Никифора и Меодія, которымъ мы посвятимъ очерки, то мы считаемъ необходимымъ выяснитъ отчетливо положеніе его въ иконоборческой періодъ, вызвавшее сильное движеніе противъ него не только со стороны иконоборцевъ, но и со стороны высшихъ представителей православной іерархіи.

Прежде всего бросается въ глаза необычайная многочисленность монаховъ въ это время въ византійской имперіи. Достаточно сказать, что въ теченіе двухъ царствованій — Льва и Константина въ одну только Италію переселилось около 50000 монаховъ, спасавшихся отъ преслѣдованій со стороны иконоборцевъ ¹⁾. А Италія между тѣмъ была отнюдь не единственнымъ мѣстомъ, гдѣ могли укрываться преслѣдуемые монахи. Нашъ полуостровъ Крымъ, южное побережье Каспійскаго моря, южная береговая часть Малой Азіи—Ликия, островъ Кипръ, приморская часть Палестины съ городами Тиромъ, Триполи и Юппой (Яффа) — всѣ эти мѣста могли служить такимъ же безопаснымъ убѣжищемъ для монаховъ при Константинѣ ²⁾, какъ и Италія, и дѣйствительно служили ³⁾. Если принять во вниманіе это обстоятельство, то безъ преувеличенія можно число монаховъ изучаемаго періода опредѣлить въ 100000 человѣкъ. Вспомнивая, что у насъ теперь въ Россіи при 120-ти милліонномъ населеніи на необъятной территоріи считается только около 40000 человѣкъ монашествующихъ обоаго пола,

¹⁾ Παλαρχουποῦλου Т. 3, σελ. 467. Fr. Lenormant La Grande Grèce. Paysages et histoire Paris 1881, t 2, p. 387

²⁾ Vita Stephani Junioris. Migne l c. col 1117—1118—C—D

³⁾ ibid col. 1119—1120—B

легко представить, какую частою сѣтью монастырей была покрыта сравнительно маленькая территория Византийскаго имперіи, и насколько ощутительно было выдѣленіе изъ среды населенія лицъ, шедшихъ въ монастыри ¹⁾. Такое чрезвычайное умноженіе монастырей крайне вредно отзывалось на тогдашнемъ положеніи имперіи: войско, земледѣліе и промышленность лишались нужныхъ и сильныхъ рукъ и это въ то время, когда государство напрягало все свои силы, чтобы отбиваться отъ окружавшихъ его со всехъ сторонъ враговъ. Кромѣ того отошедшія къ монастырямъ имущества оставались свободными отъ государственныхъ налоговъ; между тѣмъ имущества эти были весьма цѣнны и многочисленны; отсюда государственное казначейство лишилось значительной и законной доли доходовъ ²⁾.

Еще болѣе могла возстановлять противъ монастырей общественное мнѣніе иногда не безупречная жизнь иноковъ. Въ монастыри стекались далеко не всегда люди, подавленные суетою міра, искавшіе въ нихъ спасительнаго врачевства для своихъ душевныхъ ранъ ³⁾, нерѣдко сюда укрывались молодые здоровые юноши по единственному побужденію избѣжать трудовъ военной службы или тягостей другихъ общественныхъ повинностей. Это настолько существенно и прямо затрогивало интересы государства, что еще благочестивый императоръ Маврикій пытался, вѣроятно, не безвѣдома тогдашняго патріарха Іоанна Постника, запретить поступленіе въ монастыри лицамъ, обязаннымъ военною службою, хотя и неудачно ⁴⁾. Повидимому, эта „благочестивая трусость“ навсегда осталась однимъ изъ мотивовъ для молодежи къ постриженію въ монашество. Такъ какъ мотивъ тотъ не серьезень, то и монашество такое не было прочно: по минованіи опасности попасть въ солдаты, иноки часто оставляли монастыри ⁵⁾. Были также и другія условія, при

¹⁾ Еще въ 1-й половинѣ 6-го вѣка при патріархѣ Минѣ въ одномъ только Константинополѣ числилось болѣе 80 монастырей Morcelli. *Calendarium ecclesiae* Cpl t 2, p. 213—215.

²⁾ *Παλαρριγοπουλου* Т. 3. σελ. 373.

³⁾ *αὐτόθι* σελ. 371

⁴⁾ Jaffe *Regesta Pontificum Romanorum* n 903, p 106, cuf *Παλαρριγοπουλου* *αὐτ.* σελ. 186—187. ср. Гиббонъ, т 5, стр. 147

⁵⁾ *S Nicephori Cpl canones. Migne ser. gr t. 100, col. 857—858, can*

которыхъ и невозможно было ожидать сознательнаго, обдуманнаго отношенія къ монашескимъ обѣтамъ: если Василій великій требовалъ, чтобы обѣты давались только тогда, когда „возрастъ достигалъ совершеннаго разума, когда общающійся получалъ власть надъ своими помышленіями“¹⁾, то теперь это требованіе заслонялось обычаемъ, получившимъ силу закона, по которому постриженіе въ монашество не могло совершаться только ранѣ десятилѣтняго возраста²⁾. Быть можетъ, были и другія обстоятельства, которыя затрудняли строгій выборъ лицъ, удалявшихся въ монастыри. Совокупность всѣхъ ихъ сдѣлала то, что монашество предъ и во время иконоборческаго періода заключало въ своихъ рядахъ не мало людей, страдавшихъ мірскими нравственными болѣзнями. А эти люди клали пятно и на весь институтъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія: житейская логика обобщаетъ очень быстро и дѣлаетъ свои выводы большею частью очень поспѣшно. Факты, которые ложились въ основу такихъ обобщеній, вскрываются отчасти опредѣленіями Трулльскаго и 7-го вселенскаго соборовъ, отчасти другими источниками. При храмахъ еще до сихъ поръ жили такъ называемыя „жены, Богу посвященныя“—женщины, дававшія обѣтъ безбрачной жизни безъ поступленія въ монастыри и даже иногда безъ перемѣны мірской одежды. Трулльскій соборъ отмѣтилъ, что иногда эти полумонахини подавали поводъ къ соблазну тѣмъ, что не совѣмъ прочно хранили свои обѣты и цѣломудріе³⁾. Среди монашествующихъ мужчинъ находились такіе, которые, пренебрегая монастырскимъ общежитіемъ, удалялись въ затворы въ городахъ и селеніяхъ „не ради исканія блага, а ради пустой славы“, а потомъ, добившись этой славы, „произвольно отступали отъ этого уединенія“ и вели бродячій образъ жизни. Соблазны, ими про-

XXII: *ὁ τὸ μοναχικὸν ἐνδὲς σχῆμα φόβῳ στρατίας ἢ ἄλλῃ τινὶ λειτουργίῃ καὶ τοῦτο μετὰ τὴν ἀνάγκην ἢ τὴν ἐπιπόρτισιν ἀποθέμενος* и т. д.

1) Вас вел пр 18

2) Трул соб пр 40. А что правила этого собора были однимъ изъ главныхъ руководящихъ кодексовъ церковнаго права въ иконоборческой періодъ, объ этомъ см. замѣчательное свидѣтельство S Nicephori Patr Cril. Apologeticus Minor pro sacris imaginibus Migne ser gr t 100, col. 845—846—C

3) Трул соб. прав 4. см толкованіе Васильянова на это правило

позволимъ, вѣроятно, быть очень великъ, потому что правило собора, направленное противъ нихъ, звучитъ строго и грозно ¹⁾. Тоже „исканіе пустой славы“ заставляло нѣкоторыхъ уходить въ пустыни; прикрываясь никому неизвѣстными подвигами, пустынники являлись иногда въ городахъ, гдѣ, „вращаясь среди мірскихъ мужчинъ и женщинъ, безчестили свой обѣтъ“ ²⁾. Общежитіе также не всегда предохраняло отъ нарушенія монашескихъ обѣтовъ. Иноки и инокини выходили нерѣдко изъ монастырей безвѣдома своихъ начальниковъ, проводили ночи въ мірскихъ домахъ и не всегда были предусмотрительны относительно поводовъ ко грѣху; случалось иногда и то, что женщины ночевали въ мужскихъ монастыряхъ и мужчины—въ женскихъ ³⁾. Но, быть можетъ, самое мрачное пятно на монашество кланя двойные монастыри, „для многихъ служившіе соблазномъ и преткновеніемъ“, „совмѣстная жизнь въ которыхъ давала поводъ къ прелюбодѣянью“ ⁴⁾. Не смотря на соборныя запрещенія, монастыри эти упорно отстаивали свое существованіе ⁵⁾.

Перечисленныхъ явленій въ жизни монашества вполне достаточно, чтобы понять отношеніе къ нему въ разсматриваемое время со стороны правительства и общества. Особая твердость при защитѣ иконопочитація была отнюдь не единственною и, можно даже сказать, не главною причиною, почему правительство направило гоненіе особенно усиленно противъ монаховъ. Нѣсколько ниже мы увидимъ, что императоръ Никифоръ, не будучи иконоборцемъ, былъ однако ожесточеннымъ стѣснителемъ монашества. Этотъ фактъ наглядно показываетъ, что преслѣдованія монашества вызывались не всегда и не главнымъ образомъ тѣмъ, что оно стойко защищало иконопочитаііе. Чрезвычайное умноженіе монастырей, переходъ къ нимъ большихъ имѣній, укрывательство въ ихъ стѣнахъ лицъ, нужныхъ для войска и отправленія другихъ общественныхъ повинностей, могли быть достаточными мотивами для борьбы съ ними со стороны пра-

¹⁾ Трул. соб. пр. 41

²⁾ Трул. соб. пр. 42

³⁾ Трул. соб. пр. 44, 46 и 47.

⁴⁾ 7 всел. соб. пр. 20

⁵⁾ Vita Nicephori Cpl. A SS. Martii t. 2, ad diem 13-am, n. 27

вительства. Для оправданія такого предположенія можно подыскать достаточно данныхъ. Обвиненіе противъ Стефана Новаго, пострадавшаго въ ноябрѣ 765-го года, было формулировано слѣдующимъ образомъ: „онъ многихъ сманивалъ, уча презирать славу этого мира, оставлять дома и семьи, держаться дальше отъ царскихъ палатъ и стремиться къ иноческой жизни“ 1). Затѣмъ самый характеръ борьбы съ монашествомъ, какъ сейчасъ увидимъ, позволяетъ думать, что иконопочитаніе было въ глазахъ правительства совѣтъмъ не главною виною монашества.

Но если основнымъ нервомъ монахомахіи была тяжесть, съ которою монашество ложилось на плечи напрягавшагося для внѣшней борьбы государства, то перечисленные изъяны въ его жизни служили оправданіемъ правительству въ глазахъ общества для преслѣдованія монаховъ. Выше мы видѣли, что народная масса не только не сопротивлялась, но даже сочувствовала правительству во время процессовъ противъ выдающихся подвижниковъ того времени. Недочеты въ исполненіи дисциплины подрывали обаяніе стойкой защиты иконопочитанія многими монахами и, наоборотъ, давали вѣсъ и значеніе дѣйствіямъ противъ нихъ со стороны правительства. Эти недочеты и помогли послѣднему „сдѣлать первыхъ посмѣшникомъ въ глазахъ всего народа“ 2). Монашескіи образъ былъ для иконоборцевъ образомъ мрака: народу внушалось не только не входить ни въ какія сношенія съ монахами, но запрещалось даже просто здороваться съ ними и совѣтывалось бросать камнями при видѣ черной одежды 3). Подобныя надругательства отнюдь не были безцѣльнымъ глумленіемъ: они являлись, какъ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для понужденія монашествующихъ къ переходу въ мірское состояніе. Къ нему обращались тогда,

1) S Nicephori Historia brev p 72: *ὡς πολλοὺς ἐξαπατῆ διδάσκων δόξης τῆς παρούσης καταφρονεῖν, ὄζων τε καὶ συγγενείας ὑπερορᾶν καὶ τῶν βασιλείων αἰδέας ἀποστρέφειν καὶ πρὸς τὸν μονῆρον βίον μεταρροθμίζεσθαι*, cni Theophanis Chron. p 437: *ὡς πολλοὺς νοθευοῦντα πρὸς τὸν μονῆρον, βίον καὶ καταφρονεῖν πείθοντα βασιλικῶν ἀξιωμάτων καὶ χορημάτων*

2) Vita Stephani Junioris Migne, l c col. 115—1116—C: *ἐγενήθημεν γέλωσ παντὶ λαῷ*—признаніе Стефана Новаго предъ собравшимися къ нему монахамъ

3) *ibid* col 1111—1112 A—B

когда другія побужденія: лесть, обманъ, деньги, обѣщаніе чиновъ и должностей и пр.—оказывались недостаточными, чтобы убѣдить иноковъ отрастить волосы, перемѣнить одежду и вступить въ бракъ 1). Если-бы монахи подвергались преслѣдованіямъ главнымъ образомъ за иконопочитаніе, то обѣщаніе не кланяться иконамъ спасало бы ихъ отъ выхода изъ монастырей 2). Между тѣмъ правительство не ограничивалось требованіемъ не почитать иконъ и ставило нерѣдко монахамъ дилемму въ такой формѣ: или перемѣнить одежду или подвернуться различнымъ истязаніямъ 3). Самымъ главнымъ основаніемъ такой дилеммы являлось обычно указаніе на зазорную жизнь монаховъ 4). Думать, что подобныя указанія всегда были клеветою, представляется мало вѣроятнымъ. Есть основанія догадываться, что главный матеріалъ для обвиненій давали двойные монастыри. Появились они въ имперіи уже давно: еще Юстиніанъ боролся съ ними 5). Существованіе ихъ при Константинѣ Копронимѣ дѣлаетъ несомнѣннымъ 20-е правило 7-го всел. собора. Мотивъ къ ихъ упраздненію, выдвигаемый соборомъ (*σχάνδαλον καὶ πρόσκομμα τοῖς πολλοῖς*), можно думать, взятъ изъ фактовъ царствованія именно этого императора. Энергическая дѣятельность противъ нихъ патріарха Никпфора (объ этомъ послѣ) тоже говоритъ, что они были слабымъ и большимъ мѣстомъ церкви, которымъ пользовались въ своихъ интересахъ иконоборцы. Затѣмъ, рассказанный выше фактъ, какъ монахи выведены были на шпандромъ, причемъ каждый изъ нихъ держалъ за руку женщину, всего естественнѣе можетъ быть

1) Nicephori Historia brev p 71—72

2) Что такіа лица среди монашества существовали и, давъ обѣщаніе не почитать иконъ и мощей, спокойно пребывали въ монастыряхъ, видно изъ одного разсказа автора Vita Stephani Junioris Migne I c col 1179—1182

3) S. Nicephori Antirrheticus III adv. Constantinum Copr. n 84. Minger gr t. 100, col. 533—543—A, conf. ego же Historia brev p 71

4) *ibid* n. 77, col 517—518 A: говоря о поруганіяхъ, какимъ подвергались монахи, Никпфоръ между прочимъ замѣчаетъ: *δημοσίειε, ἐπὶ θεάτρων ἕνε, καταγόμενε, πλέκε διαβολὰς, αἰσχρολογίας ἐπιπέει οἷς εἰ μὴ βοῶντο τῶν πρὸς Θεὸν συνθηκῶν παραβάται γίνεσθαι, κατακρινέσθωσαν οἱ ἀθῶοι καὶ ἀνάτιοι* conf. ego же Historia brev p 71: *πᾶσα μηχανή, κακολογίας ἐπενοεῖτο, δι' ἧς τοὺς κατὰ Θεὸν ζῆν αἰρομένοις ἐπηρεάζειν καὶ πηγαίνειν ἐσπούδαζον*

5) *Jmp Iustiniani Novellae ed Zachariae Lingenthal. Lipsiae 1881. Nov. 155* (по другому счету 123), cap 36 Pars II, p 320

представляемъ такъ, что поруганные были изъ двойнаго монастыря, такъ какъ женщины въ данномъ случаѣ были именно монахини ¹⁾. Наконецъ, съ сказаннымъ можетъ быть поставлено въ связь слѣдующее любопытное обстоятельство: всѣ сообщенія лѣтописцевъ въ общей формѣ объ уничтоженіи монастырей Константиномъ ²⁾ имѣютъ въ своемъ основаніи только единичные случаи. Говоря о превращеніи монастырей въ казармы, Теофанъ находитъ возможнымъ назвать только одну киновію Далматскую, а перечисляя три обители, скрытыя въ 767—768 г. до основанія, — Каллистратата, Дія и Максимиана ³⁾, впадаетъ въ явное преувеличеніе, потому что патр Никифоръ сообщаетъ, что монастырь Каллистрата не былъ скрытъ, а только проданъ въ частное владѣніе ⁴⁾. Принимая, что еще въ началѣ 6 в. въ Константинополѣ было болѣе 80 монастырей, нужно признать, придавая значеніе даже всѣмъ показаніямъ, что число упраздненныхъ при Константинѣ монастырей было незначительно. А если принять, что монахи далеко не всѣ въ силахъ были устоять предъ угрозами или обѣщаніями, и — многіе изъ нихъ соглашались не чтить иконъ и спокойно оставались въ монастыряхъ ⁵⁾, то упраздняемые монастыри должны были, очевидно, имѣть за собою какую-то особую вину въ глазахъ правительства. Эта вина ихъ, по всей вѣроятности, состояла въ томъ, что они были двойные. Соблазнъ, ими производимый, давалъ иконоборцамъ всѣ права на ихъ уничтоженіе. Безъ этого предположенія совершенно не возможно объяснить фактъ, что большинство монастырей осталось даже въ самой столицѣ незатронутымъ ⁶⁾.

Но если дѣло съ упраздненіемъ монастырей такъ обстояло въ столицѣ, если правительство посягало здѣсь на суще-

¹⁾ Nicephori Htstoria brev p 74

²⁾ Theoph Chron p 443. enf Nicephori Patr Antirrheticus III adv Constantinum Copr. Migne. I c col 493—494—D и pp

³⁾ Theoph Chron p 443.

⁴⁾ Nicephori Antirrheticus III adv Const Copr I c col 493—494—D

⁵⁾ Vita Stephani Junioris. Migne. I c col 1179—1182

⁶⁾ Замѣтимъ кстати, что Теофанъ, говоря объ упраздненіи перечисленныхъ монастырей, не обосновывается ни однимъ словомъ о томъ, чтобы это упраздненіе послѣдовало за особую стойкость монаховъ въ иконопочитаціи. Между тѣмъ едва-ли бы онъ упустилъ случай восхвалять героизмъ вѣры, если бы они пострадали за такое геройство.

ствование обителей только или главнымъ образомъ двойныхъ, находя поводъ къ ихъ уничтоженію въ явной соблазнительности ихъ внутренней организаціи, то въ провинціяхъ не всегда точно подражали политикѣ столичныхъ иконоборцевъ. Хорошій полководецъ, но плохой администраторъ, начальникъ еемы Фракіѣской Михаилъ Лаханодроконъ собрать *всѣхъ* монаховъ и инокинь управляемой области и, даже не упомяная объ иконопочитаіи, объявилъ, что они должны выбрать одно изъ двухъ: или перемѣнить одежды и заключить браки или подвергнуться ослѣпленію и ссылке въ Кипръ ¹⁾. Въ отвѣтъ на это предложеніе „многіе предалися гибельной измѣнѣ; Лаханодроконъ принялъ ихъ благоклонно“, но „многіе, добавляетъ Теофанъ, оказались и мучениками“ ²⁾. Это добавленіе отзывается преувеличеніемъ: оно во 1-хъ не объяснимо изъ угрозы Лаханодрокона, въ случаѣ отказа исполнить его волю, подвергнуть только наказаніямъ и ссылкѣ, а во 2-хъ нигдѣ болѣе нѣтъ указанія на этихъ мучениковъ: ни одинъ синаксарь не знаетъ ихъ не только поименно, но даже въ общемъ числѣ. Да и самая форма сообщенія Теофана заставляетъ относиться къ нему съ большою осторожностію ³⁾. Могли оказаться не мученики, а только исповѣдники—лица, подвергшіяся члено-

¹⁾ Формула предложенія Лаханодрокона наводитъ на мысль, что и въ данномъ случаѣ разумѣются монашескуюіе двойныхъ монастырей: и Теофаново—„всѣ“—можетъ быть принято безъ недоумѣній только въ приложеніи къ обитателямъ именно такихъ монастырей

²⁾ Theophanis Chron p 445

³⁾ Есть правда, разсказъ о Фракіѣскомъ гоненіи на монаховъ въ біографіи Стефана Новаго (Vita Stephani Junioris l c. col 1165—1166 A—B) Говоритъ очевидецъ гоненія, самъ подвергшіійся истязаніямъ, и сообщаетъ, что при одномъ случаѣ Лаханодроконъ 38 монаховъ отправилъ въ Ефесъ и тамъ зарылъ ихъ живыми Но въ этомъ разсказѣ не все обстоитъ благополучно: исповѣдникъ повѣствуетъ объ этомъ въ темницѣ предъ смертію Стефана Новаго; между тѣмъ Стефанъ убитъ въ ноябрь 765-го года (Theoph Chron p 436), а Лаханодроконъ назначенъ правителемъ еемы Фракіѣской только въ 766—767 г. *ibid* p. 440). Явная несообразность!—Не вѣроятно также, чтобы указанный возмутительный поступокъ, превосходившій все, что дѣлалось иконоборцами, могъ быть оставленъ иконопочитателями, въ частности—Теофаномъ, безъ разгашенія—Слѣдуетъ отмѣтить, наконецъ, что разсказчикъ—самъ лицо пострадавшее и, слѣдовательно, могъ окрасить сообщаемый фактъ въ слишкомъ мрачный цвѣтъ.

вредительнымъ наказаніямъ, бывшимъ тогда въ большомъ ходу ¹⁾, каковыхъ мы дѣйствительно и находимъ въ значительномъ числѣ: такъ вмѣстѣ съ Стефаномъ Новымъ въ тюрьмѣ содержалось 342 монаха, изъ которыхъ у однихъ были урѣзаны носы, у другихъ выколоты глаза, у иныхъ усѣчены руки, у нѣкоторыхъ отрѣзаны уши, были также обритые или съ опаленными лицами и пр. Всѣ эти истязанія практиковалъ Лаханодроконъ ²⁾. Крутыми мѣрами послѣдняго было достигнуто то, что въ ѳемѣ Ѳракіійскій не осталось почти ни одного монаха.

Вмѣстѣ съ Лаханодрокономъ усердными исполнителями воли царя относительно монаховъ были—Михаилъ Мелпесинъ, начальникъ ѳемы Анатолійской ³⁾, и Манисъ, начальникъ ѳемы Вукелларіевъ ⁴⁾. Объ ихъ дѣйствіяхъ не извѣстно подробностей, быть можетъ, потому, что они были умѣреннѣе Лаханодрокона. Относительно преслѣдованія монаховъ въ европейскихъ провинціяхъ нѣтъ сообщеній. Такое умолчаніе источниковъ едва-ли случайно, равно какъ едва-ли случайно и то, что сообщенія эти дошли до насъ только о преслѣдованіяхъ въ перечисленныхъ малоазійскихъ ѳемахъ: во всякомъ случаѣ невольно бросается въ глаза совпаденіе, что города—Наколія, Клавдіополь и Ефесъ, епископы которыхъ извѣстны, какъ первые дѣятели реформы, находились именно въ означенныхъ ѳемахъ ⁵⁾.

¹⁾ В Васильевскій Законодательство иконоборцевъ Журн М Н Пр 1878 г окт, стр 289—290.

²⁾ Vita Stephani Junioris Migne I c col 1175—1178; cnf Theophanis Chron. p 446, cnf Nicephori hist brev. p 71, cnf ego же Antirrheticus III ad Constantinum Cogr Migne I c col 505—506—В

³⁾ *Θεμα ἀνατολικόν* обнимала часть Фригии (salutaris), Писидию и Ликаонию

⁴⁾ *Θεμα Βουκελλαρίων*—Галатія

⁵⁾ Theophanis Chron p 440, cnf p 446 Характерно также, что въ цитированномъ уже мѣстѣ біографіи Стефана Нового, повѣствующемъ о томъ, какъ находящіеся въ тюрьмѣ монахи рассказываютъ другъ другу объ отдельныхъ мученикахъ и о гоненіи Лаханодрокона, совершенно нѣтъ упоминанія о гоненіяхъ Михаила Мелпесина и Маниса—знакъ, что гоненія эти не были сильны и не дали даже исповѣдниковъ

⁶⁾ Ефесъ впоследствии числился въ ѳемѣ Самосской, но судя по разсказу біографа Стефана о гоненіи Лаханодрокона, можно думать, что онъ въ данное время принадлежалъ къ ѳемѣ Ѳракіійской и во всякомъ случаѣ былъ на самой границѣ этой ѳемы

Обобщая положеніе монашества въ провинціяхъ, можно сказать, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно было тяжелѣе, а въ нѣкоторыхъ лучше, чѣмъ въ столицѣ: все зависѣло отъ характера областныхъ начальниковъ и отъ мѣстныхъ условій ¹⁾. Полагать, что среди монашества явилось много мучениковъ, о которыхъ мы однако ничего не знаемъ, нѣтъ достаточныхъ основаній. Жизнь, въ которой накопилось достаточно нравственныхъ недочетовъ, едва-ли могла выставить многочисленныхъ героевъ вѣры. Можно думать, что лучшіе представители монашества, дѣйствительно дорожившіе своими вѣрованіями, были именно тѣ десятки тысячъ, которые оставили родину и искали убѣжища въ странахъ, куда не простиралась власть иконоборческихъ императоровъ ²⁾. Кончая рѣчь о монашествѣ, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о мученикахъ изъ его среды за иконопочитаніе въ царствованіе Константина Копронима. Можно думать, что лица, имена которыхъ запомнила исторія, представляютъ собою *всѣхъ* пострадавшихъ. Бесѣдующіе въ тюрьмѣ съ Стефаномъ Новымъ монахи перечисляютъ почти всѣхъ мучениковъ, которые извѣстны и изъ другихъ источниковъ. Бесѣда эта въ высшей степени характерна: гонимые страдальцы припоминаютъ въ свое утѣшеніе по имени своихъ собратій, называютъ имена убитыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ и, повидимому, перечерпываютъ эту тему совершенно, т. е. не оставляютъ безъ вниманія ни одного погибшаго отъ руки иконоборцевъ. Происходила-ли это бесѣда въ дѣйствительности или сочинена авторомъ біографіи Стефана Нового ³⁾, то или иное рѣшеніе этого вопроса въ данномъ случаѣ большого значенія не имѣетъ. Важно то, что біографъ другихъ мучениковъ не знаетъ. Всѣхъ пострадавшихъ въ царствованіе Константина Копронима изъ монаховъ насчитывается шесть человекъ ⁴⁾. Чтобы имѣть

¹⁾ Παλαρρηγοποιοι Γ 3, σελ 464

²⁾ Διτ. σελ 465

³⁾ На мысль о чемъ можетъ наводить отмѣченная выше хронологическая неточность разсказа

⁴⁾ A SS. Octobrii t. VIII ad diem 17-am, p 131: 16 мая 761 г.—св. Петръ Влахернскій; 4-го іюня 761 г. Іоаннъ игуменъ монастыря Монаррійскаго (близъ Кизика); въ концѣ 765 г.—Стефанъ Новый; 17 марта 467 г.—Павель, монахъ на Критѣ; 767 г. 20 октября—Андрей въ Крисѣ; 771 г. 8 іюля—Павель Новый. Подробнѣе о нихъ см. ibid p 127—131. n.

правильное представлєніе объ этихъ мученичествахъ, необходимо знать условія, при которыхъ они происходили. Монахъ Андрей, узнавъ о появленіи эдикта противъ иконъ послѣ собора 754-го года, отправился изъ родного Крита въ столицу и здѣсь выступилъ съ публичною проповѣдію противъ императора и его партіи. Онъ выражался о себѣ, что явился въ Константинополь съ цѣлью разрушить козни, которыя замыслилъ дьяволъ, и тѣхъ, которые предали свое спасеніе, привести къ покаянію, а гѣхъ, которые остались твердыми, оградить и укрѣпить молитвами, увѣщаніями и совѣтами. Императору сдѣлалась извѣстной проповѣдь Андрея 1). Столкновеніе между ними произошло однако по почину второго. На мѣсто, гдѣ императоръ производилъ расправу съ иконопочитателями, однажды явился Андрей и обратился къ нему съ вопросомъ: „если, царь, ты христіанинъ, то зачѣмъ злоумышляешь противъ иконы и рабовъ Христа“. Царь отвѣчалъ, что онъ такой же христіанинъ, какъ и всѣ, и исполняетъ все, что требуется отъ христіанина; такъ онъ приказалъ удалить иконы, ненавистныя Богу и почитаемыя простыми людьми. Андрей на это замѣтилъ: „слова твои—порожденіе безумія. Если хочешь, я могу отъ божественнаго писанія опровергнуть глупость, которую ты изрыгнулъ, подобно бѣшеной собакѣ“ и пр. Императоръ удержался однако отъ гнѣва и предложилъ Андрею одно изъ двухъ: или отказаться отъ иконопочитанія или подвергнуться пыткамъ. Андрей отвѣчалъ, что онъ готовъ пострадать за истину и за Христа. „Не за истину, не за Христа, а за свою безумную дерзость ты будешь наказанъ“, замѣтилъ императоръ и отдалъ приказаніе окружающимъ взять и „получить благоразумію“ Андрея 2). При подобной же обстановкѣ въ 761-мъ году пострадалъ монахъ Петръ каливитъ: онъ былъ засѣченъ бичами на ипподромѣ за то, что обличалъ печестіе императора и называлъ его новымъ Валентомъ и

11—25 Перечень результатовъ этого изслѣдованія см. Hefele Conciliengeschichte B 3, S. 421—427

1) Martyrium S. Andreae n. 6—7 A. SS. Octobrii t 8. p. 144.

2) *ibid.* Passio S. Andreae (пздано по манускрипту 9 в. р 126, п. 8) p. 138—140, п 7—11, *cnf* Martyrium p 145—146, п 7—9. Въ обоихъ актахъ сцена объясненія Андрея съ императоромъ представлена одинаково въ общемъ; различія касаются незначительныхъ деталей.

Юліаномъ ¹⁾). Процессъ надъ Стефаномъ Новымъ ²⁾ показываетъ также несомнѣнно, что мученичество его было не слѣдствіемъ отказа подписаться подъ опредѣленіями собора 754 г. ³⁾, а слѣдствіемъ того, что всѣ мѣры со стороны правительства остановить проповѣдь Стефана оказались тщетными. Прибѣгая къ казнямъ, правительство старалось привлечь на свою сторону сочувствіе и одобреніе народа; рассказанныя выше обстоятельства смерти Андрея и Стефана показываютъ, что оно достигало своей цѣли. Можно думать, что такъ было не въ двухъ только случаяхъ, а во время всѣхъ осужденій монаховъ на смерть: Константинъ очень боялся, если казнь вызвала народное состраданіе и, конечно, долженъ былъ употреблять всѣ усилія, чтобы въ такихъ случаяхъ имѣть сочувствіе народа на своей сторонѣ ⁴⁾. Дальнѣйшая исторія монашества до времени правленія Тарасія не многосложна. Преемникъ Константина Левъ Хазаръ усвоилъ догматы иконоборчества, но былъ человѣкъ слабый, безхарактерный, неспособный продолжать дѣло отца и дѣда ⁵⁾. Но не двигая этого дѣла впередъ, онъ однако не давалъ ему идти и назадъ. „Любитель Богородицы и монаховъ“ онъ назначаетъ на главнѣйшія каѳедры митрополитовъ изъ ишуменовъ ⁶⁾, но въ тоже время приходитъ въ ярость, когда узнаетъ, что въ самомъ дворцѣ его есть люди, которые поклоняются иконамъ ⁷⁾. Монахи теперь если и не подверга-

¹⁾ Theophanis Chron p 432—здесь названъ Андрей, но ошибочно: Теофанъ называетъ Андрея *τὸν λεγόμενον καλοβίτην ἐν Βλαχέρναις—Πέτρον τὸν ὄσιον ἐν Βλαχέρναις ἐγκεκλησμένον*—Vita Stephani Iunioris Migne. l c col 1165—1166—C (*καλοβίτης* отъ *καλύβη*—*ἐγκεκλησμένος*—A SS Octobrii t. 8. p 128, n 15) Монахи, бесѣдующіе въ темницѣ съ Стефаномъ пострадавшимъ въ 765 г., знаютъ Петра Влахерскаго, но не знаютъ еще Андрея, который умеръ въ 767 г. А тамъ, гдѣ нужно было назвать Андрея, Теофанъ называетъ Петра—Chron p 442

²⁾ Перечень основныхъ моментовъ процесса см у Hefele. В. 3. S 422—425 и *Παπαρρηγοπόλου* T. 3, σελ. 456—457

³⁾ Vita Stephani Iunioris. Migne l c. col 1123—1126

⁴⁾ Theophanis Chron. p 438: узнавъ, что во время казни двухъ государственныхъ преступниковъ весь народъ плакалъ, царь вознегодовалъ на завѣдующаго процедурой казни, лишилъ его должности и приказалъ выебѣть

⁵⁾ *Παπαρρηγοπόλου* T. 3, σελ 483—484.

⁶⁾ Theoph Chron p 449

⁷⁾ *ibid* p 453: эти два показанія Теофана:—царь ставилъ митрополитовъ

лись преслѣдованіямъ, то не имѣли еще и свободы. Свобода эта для нихъ наступила съ сентября 780 г., со времени вступленія на престолъ православной Ирины, которая „вызвала изъ отдаленныхъ предѣловъ, изъ ссылокъ и темницъ оставшіяся некры благочестія и монашеской жизни, которыя она соблюдала, какъ соль земли и свѣтильники міра, содержащія слово жизни“¹⁾. Насколько успѣшно шло наполненіе монастырей, можно заключать изъ того, что чрезъ семь лѣтъ послѣ вступленія на престолъ Ирины успѣли возобновиться даже обители, совершенно упраздненныя при Константинѣ: по крайней мѣрѣ на 7 вселенскомъ соборѣ мы видимъ игуменовъ и иноковъ изъ всѣхъ этихъ монастырей²⁾.

Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ объ отношеніи къ иконоборчеству высшей іерархіи и низшаго благаго духовенства. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то, что ни первая, ни второе не выставили изъ своей среды ни одного мученика или исповѣдника за иконопочитаніе. Патріархъ Германъ былъ первымъ и послѣднимъ исключеніемъ до 9 вѣка. Это не значитъ однако, что бѣлое духовенство встрѣтило реформу сочувственно. Благодаря повсемѣстному распространенію, давности и естественности существованія иконъ³⁾, почитаніе ихъ было крѣпко сложившимся религіознымъ обычаемъ, съ которыми сжилось христіанское общество. Но протѣстъ былъ навязанъ правительственной пропагандой иконоборческихъ идей при Львѣ Псаврѣ и не могъ пройти безслѣдно. Выставивъ положеніе, что иконопочитаніе есть идолопоклонство, первые иконоборцы если и не одержали побѣды надъ иконопочитаніемъ, то внесли смуту въ умы, произвели соблазнъ, вызвали глуп-

изъ игуменовъ и преслѣдовали иконопочитаніе—подтверждаетъ высказанную нами выше мысль, что нѣкоторые монахи при Константинѣ Копронимѣ продолжали спокойно жить въ своихъ монастыряхъ, давъ только обѣщаніе не поклоняться иконамъ. Что въ данномъ случаѣ игумены получали каѳедры только послѣ удостовѣренія въ непринадлежности ихъ къ иконопочитателямъ, это видно еще изъ примѣра патріарха Павла IV-го, посвященнаго при Львѣ: онъ далъ письменную клятву не почитать иконъ и только подъ этимъ условіемъ получилъ каѳедру (объ этомъ ниже).

¹⁾ Житіе Θεодора Студита при рус. переводѣ его твореній, ч. 1, стр. 9.

²⁾ Mansi t. 13, col. 151—152.

³⁾ Schwarzlose a. a. O. S. 19, cnt. S. 24—26.

хое броженіе ¹⁾. „Видимыя и изъ Писанія извлеченныя противорѣчія“ (см. объ этомъ въ очеркѣ о Германѣ), разгнавшіяся иконоборцами, приводили въ столкновеніе чувство благоговѣнія къ иконамъ, воспитанное вѣками, и чувство страха предъ ужаснымъ обвиненіемъ въ идолопоклонствѣ, обвиненіемъ, опиравшимся на св. книги ²⁾. Мы видѣли, какими скудными и малосложными приемами располагали апологеты иконопочитанія въ началѣ борьбы въ лицѣ образованнѣйшаго богослова того времени патріарха Германа. Естественно думать, что рядовая іерархія была не въ состояніи противопоставить иконоборческой пропагандѣ даже и такихъ приемовъ. Если допустить то вѣроятное предположеніе, что правительство Льва Исавра позаботилось не дать широкаго распространенія сочиненіямъ Германа и Іоанна Дамаскина ³⁾, то необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ и признать, что до самаго 7-го вселенскаго собора на сторонѣ православныхъ не было почти никакого другого оружія, кромѣ пассивной стойкости въ своихъ взглядахъ. Но оружіе это естественно могло быть сильнымъ только въ рукахъ той среды, которая была возбуждена насильственными дѣйствіями правительства. Больше всего поводовъ волноваться имѣло монашество: правительство, какъ мы видѣли, хотѣло не только заставить монаховъ принять свои взгляды на иконопочитаніе, но и стремилось къ ограниченію числа монашествующихъ и въ этомъ стремленіи замарало свои руки въ крови нѣсколькихъ изъ нихъ ⁴⁾. Для блага же духо-

¹⁾ Mansi t. XIII, col. 123—124—D

²⁾ *ibid*

³⁾ Нѣкоторое подтвержденіе этого предположенія даетъ одинъ древній менологій, сообщающій, что Левъ сжигалъ сочиненія Германа въ защиту православной вѣры,—и минеи, гдѣ говорится тоже, но вообще объ апологетическихъ сочиненіяхъ того времени, безъ указанія имени Германа *A. SS. Maji t. 3, ad diem 12-am, p. 154, n. 4*

⁴⁾ Что грубыя дѣйствія противъ монаховъ были для послѣднихъ такимъ же, если не большимъ, стимуломъ борьбы за иконопочитаніе, какъ и благоговѣніе предъ иконами,—объ этомъ не намѣренно говорятъ сами монахи. Св. Стефанъ Новый въ пространной рѣчи къ собравшимся просить его совѣта инокамъ едва-ли не болѣе говорить о гоненіи на монаховъ, чѣмъ на иконы. Затѣмъ авторъ біографіи названнаго святого, приводя бесѣды монаховъ, заключенныхъ въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ Стефаномъ, замѣчаетъ, что бесѣды эти вызывали слезы; по предметомъ этихъ бесѣдъ и слезъ

венства вопросъ объ иконахъ не имѣлъ такого возбуждающаго осложненія; отъ того оно выказало меньше стойкости и больше подверглось соблазняющему дѣйствию пропаганды иконоборческихъ идей. Пропаганда эта, не встрѣчая или встрѣчая очень мало литературнаго противоядія со стороны иконопочитателей, если и не достигала рѣшительныхъ результатовъ, то въ крайнемъ случаѣ расшатывала умы, доводила массу духовенства до состоянія нерѣшительности,—если не овладѣла его симпатіями, то ослабила ревность и въ отношеніи къ иконопочитанію. Какъ и во время всѣхъ предшествующихъ богословскихъ споровъ, людей съ твердыми, ясными взглядами на дѣло на обѣихъ боровшихся сторонахъ, конечно, было не много; большинство было увлекаемо господствующимъ теченіемъ. Это замѣчаніе не слѣдуетъ понимать, какъ упрекъ; дѣло въ томъ, что на сторонѣ иконоборцевъ до 7 всел. собора былъ не только матеріальный, но и умственный перевѣсъ, благодаря указаннымъ условіямъ.

Другою не менѣе важною причиною, почему бѣлое духовенство оказалось ближе къ иконоборцамъ, чѣмъ монашество, нужно признать слѣдующее обстоятельство. Въ 730 г. мѣсто православнаго Германа занялъ иконоборецъ Анастасій Естественнo думать, что Левъ не ограничился только этою переменною и стремился и другія каѳедры замѣстить своими единомышленниками. Указаніе на такую политику можно видѣть во 2-мъ посланіи къ Льву Исавру, приписываемомъ папѣ Григорію 2-му, гдѣ авторъ наставляетъ императора, что *ὁ βασιλεὺς οὐκ ἔχει ἐξουσίαν ἐγκύβει εἰς τὰς ἐκκλησίας καὶ ψήφους ποιῆσασθαι εἰς τὸν κληρὸν* ¹⁾. Въ виду многочисленности духовенства трудно, конечно, допустить, чтобы императоръ простиралъ свое непосредственное вліяніе на избраніе даже низшихъ клириковъ; гораздо вѣроятнѣе думать, что онъ слѣдилъ только за избраніемъ епископовъ, которые уже естественно сами должны были заботиться о подборѣ клириковъ

были исключительно пострадавшіе монахи; объ ужасамъ же истребленія иконъ въ этихъ бесѣдахъ мы не находимъ ни слова. Vita Stephani Lupinoris Migne I с col. 1114—1118 et 1163—1168 Естественно истолковать подобныя явленія въ томъ смыслѣ, что впечатлѣнія этого преслѣдованія монаховъ если не заслоняли собою, то были отнюдь не слабѣе впечатлѣній отъ іоненія на иконы

¹⁾ Mansi t. XII, col. 977—978—D

одинаковаго съ ними направленія. Если главное вниманіе императора было направлено на то, чтобы кандидаты папства были люди, солидарные съ нимъ во взглядахъ на иконопочитаніе, то легко понять, что брали перевѣсъ только тѣ, которые рѣзче заявляли эту солидарность, хотя бы остальные преимущества были не на ихъ сторонѣ. Отсюда въ рядахъ иконоборческихъ епископовъ оказалось много лицъ съ сомнительной нравственной репутаціей. Авторъ такъ называемой 4-й рѣчи Іоанна Дамаскина въ защиту иконъ, составившій ее въ половинѣ 8 в. и жившій въ предѣлахъ патріархата Константинопольскаго ¹⁾, мрачными красками изображаетъ избранниковъ иконоборческихъ императоровъ. Епископы, по его увѣренію, не заботились ни о чемъ, кромѣ своихъ лошадей, земель и стадъ; они превратились въ настоящихъ торговцевъ пшеницей, виномъ, шерстью и шелкомъ, вели сибаритскую жизнь, имѣли роскошный столъ съ лучшими винами и большими рыбами, а по отношенію къ своимъ паствамъ были волками и паемниками ²⁾.

Политика Льва относительно замѣщенія епископскихъ кathedræ продолжалась при его сынѣ и внукѣ. Достаточное подтвержденіе этого даетъ 3-е правило 7-го вселенскаго собора. Результаты ее по отношенію къ составу духовенства были тѣже: ряды послѣдняго наполнялись людьми, внѣшній комфортъ, франтовство въ одеждѣ и пр. ставившими на первый планъ ³⁾. Приобрѣтеніе для иконоборческаго правительства въ этихъ лицахъ по самому существу дѣла было не большое: твердо держась единственнаго убѣжденія въ необходимости внѣшнихъ благъ, подобные люди не могли стать самоотверженными защитниками иконоборчества и были въ состояніи ужиться и при наступленіи реакціи. Убѣжденных и послѣдовательныхъ дѣятелей иконоборчества среди епископовъ было немного: по крайней мѣрѣ исторія нашла возможнымъ записать только слѣдующія имена: Константинъ Наконійскій, Ѳома Клавдіопольскій, Феодосій Ефесскій, Іоаннъ и Константинъ Никомидійскіе. Спенній Пастила Перг-

¹⁾ I *Langen*. Johannes von Damascus Gotha 1879, S. 193—194

²⁾ а. а. О. S 189.

³⁾ См 16-е прав 7 всел собора

скій. Василій Трикакавъ и Каваль ¹⁾). Изъ трехъ иконоборческихъ патріарховъ столицы: Анастасія, Константина и Никиты—ревностнымъ поборникомъ реформы можно назвать только послѣдняго ²⁾; два же первые представляли собою трости, въстромъ колоблемыя ³⁾).

При такомъ настроеніи высшаго духовенства, созданномъ усиленіемъ двухъ первыхъ иконоборческихъ императоровъ, становится понятной дѣятельность собора 754-го года, созваннаго Константиномъ Копронимомъ и имѣвшаго громадное значеніе для церкви. Ходъ засѣданій и преній собора не извѣстенъ: но, не впадая въ большую погрѣшность, можно думать, что дѣятельное участіе въ обсужденіи занимавшихъ соборъ вопросовъ принимало твердо убѣжденное меньшинство, быть можетъ, не болѣе десяти лицъ, что обсужденіе это велось по заранѣ составленной программѣ и обставлялось заранѣ заготовленными доказательствами ⁴⁾. Ниже мы будемъ имѣть случай вернуться къ подробному обзорѣнню этихъ доказательствъ, а теперь замѣтимъ только, что они были подобраны и сформулированы мастерски и въ отношеніи точности выраженій, послѣдовательности, ясности и силы не оставляли желать ничего лучшаго для иконоборцевъ ⁵⁾. Долгое время они не находили соотвѣтствующаго опроверженія со стороны православныхъ. Вполнѣ подорвать *ἄρα*: 754 г. удалось только такимъ литературнымъ гигантамъ 9 в., какими были патріархъ Никифоръ и Феодоръ Студитъ. Принимая во вниманіе это обстоятельство, а также то, что литературная защита иконопочитанія до 754 г. была слаба и имѣла немногихъ представителей, едва-ли нужно подыскивать какія-либо другія объясненія того поразительнаго съ перваго взгляда факта, что 348 епископовъ имперіи едино-

¹⁾ Vita Stephani Iunioris. Migne I. c. col. 1121—1122 et col. 1139—1140 B, cnt Mansi t. XIII, col. 399—400 A—B, cnt Langen a. a. O. S. 189

²⁾ Theophanis Chron. p. 443.

³⁾ За непрочность счигнатій Анастасія къ иконоборчеству говорятъ го, что овъ успѣлъ ужиться съ Артаваздомъ, возстановившимъ иконы (Theoph. Chron. p. 414—415). А относительно Константина извѣстно, что императоръ счель нужнымъ заставить его при одномъ случаѣ поклониться, что овъ не принадлежитъ къ иконопочитателямъ (ibid. p. 437)

⁴⁾ Ниже мы увидимъ аналогичныя явленія въ дѣятельности иконоборческаго собора при Львѣ Армявинѣ.

⁵⁾ Schwarzlose a. a. O. S. 97

душно передали анаѳемѣ иконопочитаіе. О насильственномъ давленіи на соборъ со стороны императора не можетъ быть и рѣчи: 7-й вселенскій соборъ не обмолвился объ этомъ давленіи ни однимъ словомъ, хотя трудно было бы ожидать, чтобы онъ упустилъ случай отмѣтить главное условіе незаконности опредѣленій 754 г., еслибы такое условіе имѣло мѣсто въ дѣйствительности ¹⁾. Въ числѣ побужденій, подогрѣвавшихъ ревность главныхъ дѣятелей собора, можно отмѣтить только то обстоятельство, что со смертію патріарха Анастасія преемникъ ему не былъ назначенъ до окончанія соборныхъ засѣданій. Справедливо догадываются, что вакантная столичная кафедра по мысли Константина должна была напрягать усердіе тѣхъ епископовъ, которые мечтали занять ее ²⁾. Осужденіе иконопочитаіа на соборѣ 754 г. имѣло громадныя послѣдствія: оно дало въ руки правительству такое оружіе, какого послѣднее до сихъ поръ не имѣло. Противодѣйствіе указамъ императора теперь становилось сопротивленіемъ не власти, вторгающейся незаконно въ непринадлежащую ей область, а—неповиновеніемъ церкви, отвергнувшей иконопочитаіе въ лицѣ ея представителей, имѣющихъ полномочія по вопросамъ вѣры. Никакой частный авторитетъ не могъ стать въ сравненіе съ авторитетомъ собора. Многіе, кого еще безпокоило смутное сознаніе неправоты иконоборцевъ, теперь естественно должны были успокоиться; у многихъ, которые прежде колебались въ ту или другую сторону, благодаря сильной аргументаціи соборныхъ опредѣленій, могли сложиться сознательныя иконоборческія воззрѣнія. Дѣло иконоборцевъ послѣ собора 754 г. обстояло такъ хорошо, что правительство нашло возможнымъ привести весь народъ къ присягѣ, заставить его поклясться, что онъ не будетъ поклоняться иконамъ ³⁾.

Какъ слѣдствіе *всѣхъ* изложенныхъ условій, благопріятствовавшихъ развитію иконоборчества, въ жизнь стала, наконецъ, вступать самъ собою новый факторъ, который затя-

1) *Πατριάρχου Ιεροσολύμων* T. 3, σελ. 444

2) Schwarzlose a. a. O S 59

3) S Nicephori historia brev p 73: ὄρκοις βεβαιούν ἐξολείσαντο ἅπαν αἰτιοῖς τὸ ἐτίχουον ὡς τὸ λοιπὸν (впредь) εἰκότι μὴ προσκινεῖν εἰδῶν τινα, см Theoph Chron p 437

гиваль узелъ, завязанный первыми дѣятелями реформы, и который грозилъ православію больше, чѣмъ всѣ энергическія мѣры правительства. Факторъ этотъ—сгустившаяся атмосфера ереси, въ которой воспиталось новое поколѣніе. Если люди стараго поколѣнія, примыкая къ новому движению, по самому существу дѣла должны были двоиться, колебаться въ своихъ симпатіяхъ, то ихъ дѣти естественно имѣли больше условій выйти изъ подъ вліянія обычая иконопочитанія и стать подъ дѣйствіе новыхъ идей. Справедливость сказаннаго о вліяніи на духовенство со стороны собора 754 г. и—послѣдняго фактора подтверждается признаніями іерарховъ, которыхъ судилъ и простилъ вселенскій соборъ. Въ свое оправданіе подсудимые заявляли, что „нечестивое ученіе существуетъ давно“ и этою своею давностію „соблазняло и отвлекало ихъ отъ истины“¹⁾, что „родившись въ ереси, они въ ней воспитаны и возвращены“²⁾, что „худое ученіе досталось имъ отъ худыхъ учителей“³⁾ и пр. А что соборъ 754 г. произвелъ на общество то именно дѣйствіе, которое отмѣчено выше, это явствуетъ изъ объясненія Григорія Неокесарійскаго, даннаго имъ отцамъ 7-го всел. собора „Мы, говорилъ онъ, такъ поступали (т. е. отвергали иконопочитаніе) потому, что многіе такъ поступали“. Онъ и главный мотивъ своего обращенія указываетъ въ томъ, что составившііся вновь соборъ „говорить и мыслить одинаково“⁴⁾.

Складывая всѣ условія существованія иконоборчества въ теченіе трехъ царствованій въ итогъ можно поставить выводъ, что обычай иконопочитанія былъ сильно потрясенъ и надломленъ⁵⁾. Въ такомъ положеніи дѣло представлялось и современникамъ. „Ядъ змѣйнаго ученія“ такъ сильно поразилъ организмъ церкви, что патріархъ Павелъ подъ конецъ своего правленія долженъ былъ съ отчаяніемъ признать, что вокругъ него нѣтъ человѣка, который бы „пособилъ ему и

1) Mansi t. XII, col. 1017—1018—Е Дѣян вс соб въ р пер т 7, стр. 46.

2) *ibid* col. 1031—1132—Д: ἐν τῇ αἰρέσει γεννηθέντες ἀνετρέφθημεν καὶ ἐξένοθημεν

3) *ibid* col. 1059—1020—А

4) *ibid* col. 1053—1064—А—С

5) *Πατριολογικὸν σελ* 453

подасть руку для возстановленія православной вѣры, такъ какъ всѣ прилежали ереси, ей сгѣдоваши и внимали“¹⁾).

Очерченное положеніе вещей до вступленія на престолъ Принца опредѣлило во всѣхъ подробностяхъ программу дѣятельности ея и Тарасія во все время его правленія.

(Продолженіе слѣдуетъ)

И. Андреевъ.

---

¹⁾ Vita Tarasii p. 3, 26 — 28: ἐδιδασκόμενος Παῦλος καὶ Ἰσχαλλε, τὸν συναντιληψόμενον οὐκ ἔχων καὶ χεῖρα ὀρέζοντα ἐπὶ τῇ τῆς πίστεως διωροθάσει, διὰ τὸ πάντως τῇ αἰρέσει προσελθεῖν καὶ ταύτῃ σινομολογεῖν καὶ συντίθεσθαι